Чернов ВМ

Очередной вопрос революц дела

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ2
4472г

446

БИБЛІОТЕКА „АГРАРНО-СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИГИ“
Выпускъ Первый.

ЦГ2
Ч 472
Чернов, В.М.

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОСЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДѢЛА.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Цѣна 50 с.

Женева. Типографія Группы Старыхъ Народовольцевъ.
9 Мая 1901 г.

К.

ЦГ2
4472 2

Библиотека ИМЭЛ
ц11887

1796
97

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Къ товарищамъ по мысли и по дѣлу.

Въ виду необходимости расширить русло общаго революціоннаго и въ частности рабочаго движенія путемъ привлеченія къ нему трудовыхъ массъ деревни, — заграницей образовалась „Аграрно-соціалистическая лига", которая ставитъ себѣ цѣлью содѣйствіе всѣмъ товарищамъ въ Россіи, работающимъ прямо или косвенно въ этомъ направленіи.

Соотвѣтственно этой основной цѣли, задачи Лиги состоятъ въ слѣдующемъ:

I. Изданіе и распространеніе народной революціонной литературы, пригодной какъ для крестьянства, такъ и для городскихъ, фабричныхъ и промысловыхъ рабочихъ, въ особенности имѣющихъ связи съ деревнею.

II. Ознакомленіе русскихъ товарищей съ постановкой на Западѣ соціалистической пропаганды среди трудовой крестьянской массы и съ формами ея организаціи для аграрной классовой борьбы; подведеніе итоговъ историческому опыту русскаго революціоннаго „хожденія въ народъ"; изученіе всѣхъ проявленій соціально-политическаго броженія въ современномъ крестьянствѣ; теоретическую разработку общихъ вопросовъ аграрнаго соціализма.

III. Всѣ виды непосредственной, практической помощи русскимъ товарищамъ, дѣятельность которыхъ соотвѣтствуетъ программѣ „Аграрно-соціалистической лиги".

Лига допускаетъ въ свою среду на одинаковыхъ правахъ пред-

2010
V
93

Девяностые годы знаменуютъ собою возрожденіе широкаго общественнаго движенія въ Россіи, точно такъ же, какъ 80-ые знаменовали собою усталость, апатію, разочарованіе, — естественное слѣдствіе неудачи революціонной борьбы, которую не съумѣло довести до конца обнаружившее недостаточную политическую зрѣлость общество.

Движеніе 70-хъ г.г., несмотря на тотъ короткій промежутокъ времени, который оно занимало, успѣло перепробовать всѣ средства борьбы и подвергнуть тяжелому испытанію опыта всѣ революціонныя силы, заключавшіяся въ русскомъ обществѣ того времени. Движеніе началось съ работы среди рабочихъ и крестьянъ, т. е. съ знаменитой эпохи „хожденія въ народъ". Пробовали натискомъ интеллигентныхъ революціонныхъ силъ на деревню и фабрику разбудить тамъ и здѣсь дремлющіе, несознанные, но, какъ казалось, достаточно подготовленные жизненнымъ гнетомъ революціонные инстинкты народныхъ массъ. Полагали даже, что историческія революціонныя традиціи временъ казачества, Разина и Пугачева, не умерли въ народѣ, что подъ пепломъ наружной покорности и безгласности въ немъ тлѣетъ та искра, которую можно и должно раздуть въ большой революціонный пожаръ. Съ другой стороны,

глубоко вѣрили въ могучее дѣйствіе пламеннаго, убѣжденнаго слова, въ всепокоряющую правоту, ясность и неотразимость евангелія международнаго соціализма. Горькій опытъ быстро отрезвилъ революціонеровъ, показалъ всю трудность пропаганды въ народѣ и заставилъ идти по болѣе вѣрному, но за то и болѣе медленному пути: отъ революціоннаго „хожденія въ народъ“ обратиться къ революціоннымъ „поселеніямъ въ народѣ“. Но въ то же время историческій фатумъ выдвинулъ новый вопросъ, вскорѣ сдѣлавшійся для революціонеровъ вопросомъ жизни или смерти. Репрессаліи правительства грозили совершенно стереть съ лица земли русской всю тогдашнюю, сравнительно крайне немногочисленную революціонную интеллигенцію. Подъ ударами грознаго врага этотъ авангардъ революціоннаго движенія поневолѣ долженъ былъ сойти съ широкаго поприща революціонной пропаганды въ массахъ, сосредоточиться, сомкнуться, до извѣстной степени даже законспирироваться отъ внѣшняго міра и вступить на путь тайныхъ заговоровъ и террористическихъ актовъ. Это была борьба за существованіе, неумолимый законъ которой противъ воли заставлялъ борцовъ отвлекаться отъ болѣе широкихъ плановъ организаціи народной соціально-революціонной силы и вступить одинъ на одинъ въ борьбу съ правительствомъ за самую *возможность* жить и дѣйствовать въ соціально революціонномъ смыслѣ. На первый планъ выступилъ вопросъ о политической свободѣ, при чемъ въ этомъ пунктѣ, рядомъ съ соціалистами, но независимо отъ нихъ попробовали съорганизоваться и предъявить правительству свои требованія и политическіе либералы.

Борьба на первый разъ оказалась неравной. Правительство побѣдило, всѣ его противники или пали въ борьбѣ, или покорно склонили голову. Русское общество въ его цѣломъ оказалось недостаточно созрѣвшимъ въ соціально-политическомъ смыслѣ, чтобы вырваться изъ-подъ опеки самодержавнаго бюрократизма.

Блестящая, героическая эпоха крайняго напряженія

революціонныхъ силъ въ 70-хъ и началѣ 80-хъ г.г. оставила намъ, своимъ преемникамъ, лишь *опытъ* борьбы съ врагомъ всевозможными средствами: опытъ революціонной организаціи крестьянства для завоеванія земли (чигиринская тайная дружина), опытъ рабочихъ организацій (дѣло въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, сѣверно-русскій рабочій союзъ, южно-русскій рабочій союзъ, организація рабочихъ партіи Народной Воли), опытъ соціально-революціонной пропаганды среди сектантовъ (Ковальскій, Брешковская, Кравчинскій и др.), опытъ террористической организаціи (грозный „Исполнительный Комитетъ“)—и даже опытъ организаціи политическихъ либераловъ („Земскій Союзъ“).

Весь этотъ историческій опытъ русскаго революціоннаго движенія можетъ и долженъ быть использованъ нынѣ, когда за историческимъ отливомъ послѣдовала волна новаго историческаго прилива. Методы агитаціи и пропаганды въ средѣ того или другого общественнаго слоя, чисто-конспиративная выработка, типы революціонныхъ организацій, степень отзывчивости различныхъ общественныхъ элементовъ, отчасти величина ихъ силы, и, наконецъ, величина силы самого правительства — все это взвѣшено предшествующей борьбой, итоги которой подвести не трудно. Въ то время, какъ дѣятели 70-хъ годовъ были піонерами революціоннаго дѣла, искавшими ощупью правильныхъ путей, — дѣятели нашего десятилѣтія выступаютъ во всеоружіи богатаго духовнаго наслѣдства предшествовавшихъ революціонныхъ поколѣній.

Девяностые годы выступили наслѣдниками семидесятыхъ. Вполнѣ естественно, что тотъ родъ дѣятельности, который оказался наиболѣе успѣшнымъ, судя по опыту прежнихъ лѣтъ, тотъ, который при наименьшей затратѣ силъ далъ въ свое время наибольшіе (хотя все таки недостаточные) результаты, а именно пропаганда среди городскихъ рабочихъ—первымъ возродился въ 90-е г.г. Дѣятельность народовольческихъ кружковъ, затѣмъ преимущественно соціальдемократовъ, а

въ послѣднее время также соціалистовъ-революціонеровъ попала на почву, еще болѣе благодарную, чѣмъ въ 70-ые годы. Съ тѣхъ поръ, конечно, много воды утекло, промышленное развитіе Россіи далеко подвинулось впередъ, численность рабочаго класса сильно возрасла, онъ значительно дифференцировался отъ другихъ общественныхъ слоевъ, пріобрѣлъ своеобразную соціально-политическую физіономію и обнаружилъ въ рядѣ самостоятельно, стихійно зародившихся стачекъ и волненій свою боевую способность.

Вслѣдъ затѣмъ постепенно начали возрождаться одинъ за другимъ и всѣ прочіе способы революціонной работы; какъ естественное дополненіе къ нимъ, появилась соотвѣтственная литература, соотвѣтственные проэкты программъ и т. д. Въ настоящее время у насъ есть революціонныя группы самаго разнообразнаго характера. У однихъ центръ тяжести программы и дѣятельности лежитъ въ экономической организаціи городскихъ рабочихъ для классовой борьбы съ хозяевами на почвѣ насущныхъ хозяйственныхъ интересовъ данной минуты; у другихъ — въ чисто-конституціонной агитаціи среди либеральныхъ и вообще культурныхъ слоевъ русскаго общества; у третьихъ — въ проповѣди толстовско-анархическихъ идей среди сектантовъ; у четвертыхъ—въ литературной и устной пропагандѣ, спеціально приспособленной для военныхъ; у пятыхъ—въ пропагандѣ необходимости террористической борьбы и въ подготовленіи къ ней. Словомъ, въ настоящее время, какъ и прежде, пробуютъ опереться на всевозможные общественные элементы, извлечь отовсюду возможно большее число лицъ и группъ, способныхъ служить дѣлу соціализма и революціи; что же касается общественныхъ слоевъ, по своему положенію и характеру наиболѣе способныхъ отозваться на пропаганду, то среди нихъ пробуютъ работать систематически, содѣйствуя росту ихъ самосознанія, сплоченности, способности понимать свои интересы и самостоятельно бороться за нихъ. Въ связи съ этимъ за-границей и

въ Россіи выходятъ цѣлыя серіи книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, приспособленныхъ къ уровню развитія, потребностямъ, интересамъ каждой изъ тѣхъ общественныхъ группъ, на которые пытаются воздѣйствовать въ соціально-революціонномъ смыслѣ.

Одинъ только общественный элементъ слишкомъ долгое время оставался обойденнымъ и забытымъ — это многомилліонное русское крестьянство. Въ дѣлъ возрожденія революціонной работы остается сдѣлать еще этотъ послѣдній шагъ—возобновить работу среди крестьянства, воспользовавшись всѣми указаніями опыта русскаго революціоннаго „хожденія въ народъ", равно какъ и попытокъ вести агитацію и пропаганду въ крестьянской средѣ со стороны соціалистическихъ рабочихъ партій Западной Европы.

Какія возможны возраженія противъ необходимости сдѣлать этотъ шагъ?

Прежде всего можетъ явиться вопросъ — стоитъ ли вообще соціалистамъ заниматься крестьянствомъ? Не является ли крестьянство по самому существу своему силой реакціонной, обреченной вѣчно стремиться лишь къ тому, чтобы „поворотить назадъ колесо исторіи"? Не является ли его единственной участью — разложеніе и гибель, не будутъ ли попытки соціалистической пропаганды среди него — попытками „гальванизировать трупъ"? Не лучше ли подождать пролетаризаціи крестьянства, которая представляетъ для него необходимую переходную ступень, ведущую къ соціализму?

Такое мнѣніе долго являлось общераспространеннымъ среди дѣятелей западно-европейскаго соціализма. Съ самаго начала великой французской революціи реакціонерамъ удавалось поддерживать и разжигать взаимное недовѣріе и отчужденность между рабочими и крестьянами, съ той только разницей, что немедленно послѣ великой французской революціи реакціонеры натравливали городскихъ пролетаріевъ на крестьянъ, указывая, что послѣдніе обдѣлили первыхъ и воспользовались

революціей главнымъ образомъ въ своихъ видахъ путемъ конфискаціи и продажи по частямъ имуществъ аристократіи; впослѣдствіи же реакціонеры обратились главнымъ образомъ къ крестьянамъ, стращая ихъ покушеніями завистливыхъ пролетаріевъ отнять у нихъ, крестьянъ, ихъ землю, избу, огородъ, послѣднюю корову и т. д., чтобы поживиться этимъ трудовымъ добромъ. Какъ справедливо указалъ Жоресъ („Socialisme et paysans", p. 103—104), эта двойная тактика принесла свои плоды. Къ 1848 г. недоразумѣнія между тружениками города и деревни, индустріи и земледѣлія, разрослись до такихъ размѣровъ, что реакціонныя партіи могли, опираясь частью на индифферентизмъ, частью даже на прямое сочувствіе темнаго крестьянства, подавить рабочее движеніе. Между тѣмъ именно въ этой атмосферѣ взаимнаго недовѣрія города и деревни, пролетаріата и крестьянства, зарождались тѣ соціалистическія теоріи, которымъ суждено было впослѣдствіи сдѣлаться теоретическимъ знаменемъ международнаго движенія пролетаріата. Преходящія, временныя недоразумѣнія между крестьянствомъ и пролетаріатомъ наложили свою неизгладимую печать на эти теоріи, введя въ нихъ элементы нѣкотораго крестьянофобства. Нуженъ былъ цѣлый рядъ горькихъ уроковъ опыта для того, чтобы отъ этого отдѣлаться, понять и провозгласить естественную солидарность трудовой массы крестьянства и городского индустріальнаго пролетаріата, принять во вниманіе законные интересы крестьянства и сдѣлать серьезную попытку привлечь его на сторону соціалистической программы, расширивъ послѣднюю присоединеніемъ къ ней спеціальныхъ аграрныхъ требованій. Въ особенности событія 1870 года, когда недостатокъ поддержки въ крестьянскихъ массахъ привелъ къ паденію Парижской коммуны, заставили соціалистовъ призадуматься надъ задачей завоеванія довѣрія крестьянства. Но только съ начала 90-хъ годовъ туманъ начинаетъ уже разсѣиваться, теоретики соціализма мѣняютъ позицію по отношенію къ кресть-

янству*), а соціалистическая пропаганда среди крестьянъ начинаетъ годъ отъ году дѣлать все большіе и большіе успѣхи.

Пока господствовало среди дѣятелей соціализма недовѣріе и даже полувраждебное отношеніе къ крестьянству, для нихъ естественно было въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, возлагать всѣ свои надежды на быстрые успѣхи капитализма и на безсознательное подготовленіе имъ элементовъ будущаго соціалистическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, если крестьянство есть сила безнадежно-реакціонная, и разъ объ нее уже неоднократно разбивались революціонныя попытки пролетаріата, то, само собой разумѣется, вѣра въ пролетаризацію крестьянъ представляетъ большое облегченіе, и самая эта пролетаризація представляется фактомъ глубоко-прогрессивнымъ. Уничтоженіе крестьянства съ этой точки зрѣнія естественно казалось расчищеніемъ дороги для побѣдоноснаго шествія пролетаріата. Капиталъ съ его вторженіемъ въ деревню, даже кулакъ-ростовщикъ съ его работой „первоначальнаго накопленія“ казались отрадными явленіями. На помощь являлась далѣе аналогія. Капитализмъ въ городѣ не только разрушалъ, но и созидалъ, не только эксплуатировалъ, не только спугивалъ съ насиженныхъ гнѣздъ и разсѣивалъ по всѣмъ концамъ земли непосредственныхъ производите-

*) Особенно рельефна эта эволюція у Фр. Энгельса. Подъ вліяніемъ событій 1848 года онъ расточалъ по адресу крестьянства эпитеты „тупоумные“, „ограниченные“, „варвары“ полные „бѣшенствомъ слѣпой жадности“ и „слѣпымъ, безсмысленнымъ, чисто животнымъ отношеніемъ“ ко всѣмъ великимъ міровымъ событіямъ; предсказывалъ, что пролетаріату для проведенія своихъ требованій „придется подавить всеобщую крестьянскую войну“. Наоборотъ, сорокъ пять лѣтъ спустя онъ уже „безусловно становился на сторону мелкаго крестьянина“ и приглашалъ соціалистическую партію, насколько это въ ея силахъ, стараться „избавить его отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата“. Попытку прослѣдить весь ходъ эволюціи взглядовъ отцовъ научнаго соціализма, Маркса и Энгельса, на историческую роль крестьянства представляетъ работа Б. Оленина „Страничка изъ исторіи соціал. мысли“ („Наканунѣ“ №№ 19—29).

лей, но и сгонялъ ихъ большими массами въ центры, объединялъ, организовывалъ, подготовлялъ къ соціализированной работѣ. Естественно было предположить, что и въ деревнѣ, и въ земледѣліи капитализмъ проявитъ тѣ же самыя творческія способности, будетъ такъ же концентрировать населеніе и повышать его умственный уровень. Дѣйствительность, какъ извѣстно, показала иное. Своеобразные законы аграрной эволюціи привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе, потребовали пристальнаго, непредубѣжденнаго изученія и доказали несостоятельность поверхностныхъ аналогій и шаблоновъ. Даже такіе строгіе ортодоксальные марксисты, какъ Кауцкій, вынуждены были пойти въ теоріи на извѣстныя уступки. Еще дальше пошли тѣ соціалистическіе авторы, которые, какъ Фридрихъ Герцъ, Джероламо Гатти, Эмиль Вандервельдъ и другіе, болѣе свободно отнеслись къ назрѣвшимъ проблемамъ. Преувеличенной оцѣнкѣ творческой роли капитализма въ земледѣліи пришелъ конецъ. Было замѣчено, что въ земледѣліи наблюдается преобладаніе *формы* капиталистическихъ отношеній надъ ихъ *содержаніемъ*, эксплуатаціи необъединенныхъ или плохо объединенныхъ производителей — надъ созиданіемъ высшихъ производственныхъ формъ и отношеній, все болѣе и болѣе сплачивающихъ прежде изолированныхъ производителей въ единый, цѣлостный и высоко развитый хозяйственный организмъ. Благодаря этому мелкое производство не расчищало мѣста крупному, основанному на наемномъ трудѣ растущаго сельско-хозяйственнаго пролетаріата, въ сколько-нибудь аналогичной степени съ индустріей. Мелкое крестьянское производство даже абсолютно росло, а число наемныхъ рабочихъ напротивъ обнаружило въ культурнѣйшихъ странахъ тенденцію уменьшаться. И психика сельско-хозяйственнаго пролетаріата не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагались. Въ духовномъ отношеніи пролетаріи земледѣлія оказывались тѣми же крестьянами, съ страстнымъ стремленіемъ къ независимости, къ хозяй-

ственной самостоятельности, къ „землицѣ“. Съ другой стороны, разсѣяніе ихъ въ малыхъ, такъ сказать, дозахъ на большихъ территоріальныхъ пространствахъ и непостоянство, сезонный характеръ заработка мало содѣйствовало организаціонному сплачиванію. Зависимость ихъ отъ хозяевъ оказалась также гораздо большей, чѣмъ у индустріальныхъ рабочихъ. Оно и понятно. Въ имѣніи, въ сельскохозяйственной помѣщичьей экономіи вся жизнь каждаго постояннаго служащаго и рабочаго идетъ на глазахъ хозяина и можетъ быть подвергнута строжайшему хозяйскому контролю. Конечно, всѣ эти препятствія не непреодолимы; но они достаточно сильны, чтобы сдѣлать организаціонную работу среди сельскаго пролетаріата во всякомъ случаѣ не менѣе, если даже не болѣе трудной, чѣмъ среди трудового крестьянства. Болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ послѣднему, въ свою очередь, показало, что отнесеніе его въ разрядъ „мелкой буржуазіи“ будетъ пріемомъ и теоретически, и практически не совсѣмъ правильнымъ. Теоретическое оправданіе этотъ пріемъ могъ бы получить лишь въ томъ случаѣ, если бы между этимъ крестьянствомъ и крупной буржуазіей существовало лишь количественное, а не качественное различіе. А между тѣмъ между капиталистической и трудовой крестьянской собственностью различіе несомнѣнно качественное, принципіальное. Одна есть средство извлекать прибавочную стоимость, другая — просто средство производства. Одна гарантируетъ своему владѣльцу безтрудовой доходъ, другая — не гарантируетъ своего владѣльца отъ роли данника капитала. Громадное большинство крестьянъ состоитъ изъ особаго класса самостоятельныхъ земледѣльческихъ производителей, источникомъ существованія которыхъ является трудъ, — но только трудъ, еще не отдѣленный отъ средствъ производства. Изъ такого крестьянина не меньше, а порою даже больше, чѣмъ изъ рабочаго, выжимается прибавочная стоимость, неоплаченный трудъ, но только чаще всего не въ той непосредственной,

прямой формѣ, какъ на фабрикѣ, а въ скрытой, замаскированной. Арендная плата, проценты по ипотечному долгу, вынужденное отчужденіе продуктовъ хозяйства по непомѣрно низкой цѣнѣ, налоги и т. п. — все это является каналами, черезъ которые притекаетъ въ руки отдѣльныхъ капиталистовъ или буржуазіи въ цѣломъ, въ лицѣ ея представителя — современнаго государства — доходъ, источникомъ котораго является мужицкій потъ и кровь. По существу, слѣдовательно, трудовое крестьянство представляетъ экономическую категорію, рѣзко отличную отъ буржуазіи и приближающуюся къ пролетаріату. Практически поэтому также всюду оказывалось, что въ земледѣліи нельзя ожидать такого же особаго, отдѣльнаго, специфически-пролетарскаго движенія, какъ въ индустріи. Крестьянство и сельскій пролетаріатъ, къ тому же, соединялись цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ звеньевъ, представлявшихъ постепенные, незамѣтные переходы. Благодаря всему этому фактически аграрно-соціалистическое движеніе всюду, гдѣ оно росло, оказывалось одновременно движеніемъ трудового крестьянства и сельскохозяйственнаго пролетаріата, единымъ и цѣлостнымъ движеніемъ земледѣльческаго рабочаго народа.

Совокупность всѣхъ этихъ условій и заставила соціалистическія партіи Западной Европы понемногу отрѣшиться отъ старыхъ теоретическихъ предразсудковъ, выработать болѣе трезвое, зрѣлое и отвѣчающее дѣйствительности пониманіе аграрнаго вопроса, а слѣдомъ за тѣмъ — и занять болѣе правильную практическую позицію въ его разрѣшеніи. Первымъ крупнымъ явленіемъ въ этомъ смыслѣ явилась аграрная программа французской рабочей партіи, руководимой Гэдомъ и Лафаргомъ (марксистская вѣтвь французскаго соціализма). Ихъ опытъ приспособленія соціалистической программы и тактики къ деревенскимъ условіямъ былъ тѣмъ болѣе труднымъ, что они являлись піонерами. До нихъ ни въ одной изъ крупныхъ странъ, гдѣ соціалистическая партія можетъ вліять на ходъ междуна-

роднаго движенія, такихъ попытокъ не дѣлалось. Немудрено, поэтому, что аграрная программа французскихъ гэдистовъ открывала довольно широкое поле для критики, и что ея мотивировка во многихъ отношеніяхъ оставляла желать лучшаго. Фр. Энгельсъ въ свое время достаточно рѣшительно отмѣтилъ многія слабыя стороны этой программы, въ то же время одобривъ въ принципѣ ту основную цѣль, которую она преслѣдовала — создать союзъ между трудовымъ, малоземельнымъ крестьянствомъ и индустріальнымъ пролетаріатомъ. Онъ указалъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на практику датской соціалистической партіи, у которой центромъ тяжести ея дѣятельности въ деревнѣ было развитіе сельско-хозяйственной кооперації и соединеніе парцеллярныхъ владѣній отдѣльныхъ хозяевъ въ общественную, коллективную собственность. Коллективизмъ, такимъ образомъ, прививался крестьянамъ *снизу*, въ отличіе отъ того способа „обобществленія труда *сверху*“, который безсознательно проводится въ другихъ отраслахъ производства самимъ капитализмомъ.

Стремленіе соціализма сдѣлаться силой не только въ городѣ, но и въ деревнѣ, было продиктовано жизнью. Старыя теоріи ему не благопріятствовали, и только должны были отступить передъ напоромъ практически-революціонной необходимости. Отсюда и получилось то явленіе, что соціалисты съ большимъ трудомъ достигали гармоніи между новой тактикой въ деревнѣ и принципами общаго міросозерцанія. Вырабатывать практическую программу приходилось въ то самое время, когда для нея недоставало прочнаго теоретическаго фундамента. Отсюда и то множество споровъ, разногласій, отсюда та трудность и медленность, съ которой подвигалось впередъ дѣло аграрнаго соціализма, отсюда, наконецъ, тѣ постоянныя сомнѣнія, колебанія, остановки и даже поворачиванія вспять, которыя не разъ прерывали нормальное развитіе аграрно-соціалистическихъ программъ и аграрно-соціалистической дѣятельности. Къ счастью, въ настоящее время для большин-

ства странъ Западной Европы первый критическій моментъ уже миновалъ, эпоха неустойчивости и неувѣренности пережита. Достаточно отчетливо формулирована новая точка зрѣнія, разрѣшившая на новый ладъ тѣ „проклятые вопросы“, которые долго стояли поперекъ дороги соціализму въ его проникновеніи въ деревню, въ крестьянство. Эта точка зрѣнія въ самыхъ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему. Капитализмъ въ земледѣліи менѣе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли производства, развиваетъ свои положительныя стороны и болѣе, чѣмъ въ какой либо другой — отрицательныя; болѣе, чѣмъ гдѣ либо, является разрушающимъ факторомъ и менѣе, чѣмъ гдѣ либо — творческимъ, созидательнымъ. Нѣтъ, однако, такого историческаго закона, согласно которому во всякой отрасли производства соціалистическая ея организація была бы возможна лишь какъ продуктъ предварительнаго капиталистическаго развитія. Нѣтъ такого историческаго закона, согласно которому непосредственные производители во всякой отрасли производства должны были бы сначала пройти черезъ своего рода чистилище — состояніе пролетаріата—для того, чтобы затѣмъ только попасть въ элизіумъ соціалистическаго строя. Для извѣстной части непосредственныхъ производителей, для извѣстныхъ отраслей производства возможенъ и болѣе непосредственный переходъ, идущій черезъ развитіе общественной собственности всякаго рода — въ томъ числѣ и сельской общинной—къ націонализаціи земли и черезъ кооперацію—къ соціализму.

Первыми выступили на этотъ путь, согласно свидѣтельству Энгельса, датскіе соціалисты. Затѣмъ, въ концѣ 80-хъ годовъ практически примѣняла, а въ 1893 г. (на Бухарестскомъ партейтагѣ) формулировала отвѣчающую этой тенденціи аграрную программу румынская соціальдемократія. Въ 1891 г. въ этомъ же духѣ высказалась новообразованная венгерская соціальдемократическая партія. Въ 1892 выработали свою вышеупомянутую программу на Марсельскомъ партейтагѣ фран-

цузскіе гэдисты, а вслѣдъ за этимъ аналогичную по содержанію программу приняли и двѣ другія фракціи французскаго соціализма — поссибилисты и аллеманисты. Въ 1893 г. была впервые намѣчена, а потомъ въ 1897 и 1898 году (партейтаги Гентскій и Нивельскій) дополнена и расширена аграрная программа бельгійской рабочей партіи. Въ 1894 г. на франкфурткомъ партейтагѣ германская соціальдемократія также рѣшила выставить программу требованій примѣнительно къ интересамъ крестьянства, но въ слѣдующемъ году, послѣ долгихъ и упорныхъ споровъ, взяло верхъ противоположное теченіе; проэктъ аграрной программы, защищавшійся Фольмаромъ, Бебелемъ, Давидомъ, Либкнехтомъ и др. былъ отвергнутъ, и съ тѣхъ поръ по настоящее время вопросъ о ней остается открытымъ. Но въ отдѣльныхъ германскихъ союзныхъ государствахъ (въ Баваріи съ 1896 года, Гессенѣ, Баденѣ и Виртембергѣ) практикуются программа и тактика въ духѣ сказаннаго проэкта. Въ 1896 и 1897 г. въ Италіи обсуждался тотъ же вопросъ, но — отчасти подъ вліяніемъ германскихъ преній—аграрная, крестьянская программа не была принята. Однако, опытъ слѣдующихъ лѣтъ взялъ свое, и въ 1900 г. на Римскомъ партейтагѣ Италія присоединилась къ странамъ, въ которыхъ рабочія партіи отстаиваютъ съ соціалистической точки зрѣнія интересы трудового крестьянства. Въ 1896 и 97 г. прошла аграрная программа съ особенно ясно выраженнымъ и послѣдовательно проведеннымъ общинно-артельнымъ духомъ на Утрехтскомъ и Аргейимскомъ партейтагахъ голландской соціалистической партіи. Въ Австріи уже давно галиційскія радикальныя и соціалистическія группы приспособились къ земледѣльческо-крестьянскому характеру населенія; равнымъ образомъ и польская соціальдемократія, стоящая подъ руководствомъ Дашинскаго, нашла возможнымъ опираться на крестьянство и защищать его интересы, вмѣсто того, чтобы ждать его пролетаризаціи. Наконецъ, на Грацскомъ партейтагѣ въ 1900 г. выработала аграрную програм-

му и австрійская соціальдемократія. Такимъ образомъ, только германская соціальдемократія еще держится противъ общаго теченія, вѣрная своему отрицательному отношенію къ крестьянству, но есть признаки, которые заставляютъ надѣяться и здѣсь на благопріятныя перемѣны.

Какъ мы видѣли, девяностые годы могутъ быть по справедливости названы „эпохой аграрныхъ программъ". Само собой разумѣется, что и практическія программы, и теоретическія построенія западноевропейскихъ соціалистовъ не измѣнялись бы столь радикально, если бы въ самой деревнѣ попытки агитаціи, пропаганды и организаціи не находили отклика. Въ томъ то и дѣло, что въ то же самое время ясно сказался поворотъ въ настроеніи крестьянства. Деревня, которая многимъ раньше казалась несокрушимымъ оплотомъ существующаго режима, во многихъ мѣстахъ начала выходить изъ своего прежняго политическаго индифферентизма, проявлять признаки броженія. Въ Даніи, Франціи, Бельгіи, Италіи и т. д. приростъ голосовъ въ деревняхъ поселилъ самыя смѣлыя надежды въ сердцахъ борцовъ за соціалистическіе идеалы. Возстаніе 1894 г. въ Сициліи доказало, что крестьянство способно на такое увлеченіе соціализмомъ, которое охватываетъ на подобіе массовой заразы обширныя мѣстности, завладѣвая сердцами деревенскихъ тружениковъ и наполняя ихъ почти религіознымъ энтузіазмомъ. Въ то же время современный прогрессъ въ организаціи крестьянъ и сельскихъ рабочихъ Верхней и Средней Италіи доказалъ способность крестьянъ не только на мгновенное увлеченіе, но и на прочную, организованную борьбу. Движеніе среди сельскихъ рабочихъ и крестьянъ такой земледѣльческой страны, какъ Венгрія, сразу дало широкое основаніе тамошнему соціалистическому движенію, которое одно время зашло было въ тупой переулокъ, исчерпавъ малочисленныя силы городской интеллигенціи и пролетаріата слабо развитой венгерской индустріи. Въ другихъ странахъ съ преобладаніемъ

земледѣлія, какъ Румынія и Болгарія, постоянныя, повторяющіяся все въ болѣе широкихъ размѣрахъ стихійныя волненія крестьянъ также представляютъ собою многознаменательный симптомъ. Послѣдніе годы нѣкоторыя страны были ареной новаго въ исторіи зрѣлища: соціалистическихъ крестьянскихъ съѣздовъ. Въ Венгріи было уже три общихъ и нѣсколько областныхъ „соціальдемократическихъ крестьянскихъ конгрессовъ". Только что закончился съѣздъ представителей деревенскихъ организацій Мантуанской провинціи Италіи. Въ нынѣшнемъ, 1901 г., предстоитъ второй аграрно-соціалистическій конгрессъ въ Бельгіи съ участіемъ самихъ крестьянъ, которые успѣшно организуются на экономической базѣ „союза соціалистическихъ сельскохозяйственныхъ синдикатовъ и кооперацій Бельгіи".

Словомъ, во всѣхъ странахъ за послѣднее время аграрный вопросъ сдѣлался или дѣлается однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ современности и открываетъ для соціализма новые горизонты и новыя поприща для борьбы. Говорить о безнадежной отсталости и реакціонности крестьянства, объ его „анти-коллективистическомъ черепѣ", не поддающемся никакой пропагандѣ — становится все болѣе и болѣе анахронизмомъ. Напротивъ, опытъ и примѣръ Западной Европы является для насъ какъ нельзя болѣе ободряющимъ.

Но, пожалуй, намъ скажутъ, что одно дѣло — Европа, а другое — Россія.

„Въ Европѣ уже существуетъ политическая свобода, тамъ широко развито въ народныхъ массахъ образованіе, сознаніе личной самостоятельности, и т. дал. Наше же крестьянство коснѣетъ въ невѣжествѣ, доходящемъ до чисто-первобытной грубости, а полицейскія условія въ деревнѣ неблагопріятнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Не доказалъ ли опытъ народническаго движенія, что въ деревнѣ революціонеръ безсиленъ сдѣлать что бы то ни было? Развѣ удавалось ему своими пламенными рѣчами добиться какого нибудь другого результата, кромѣ того, что обожаемые имъ мужички скручивали

ему руки за спину и представляли его въ такомъ видѣ на становую квартиру"?

Эти рѣчи вполнѣ естественны, какъ продуктъ разочарованія, реакціи послѣ преувеличенныхъ надеждъ, возлагавшихся въ старыя времена на крестьянина, котораго иные даже представляли себѣ „инстинктивнымъ революціонеромъ" по природѣ (см. въ особенности у П. Н. Ткачева). Дѣйствительно, опытъ 70-хъ г.г. въ концѣ концовъ не увѣнчался успѣхомъ. Но точно также не увѣнчался достаточно широкимъ успѣхомъ и опытъ дѣятельности въ рабочей средѣ того времени. Значитъ ли это, что и въ рабочей средѣ революціонная дѣятельность невозможна? Нѣкоторые такъ и думали, утверждая, что раньше надо добыть политическую свободу, а потомъ идти къ рабочимъ, ибо безъ политической свободы организація рабочаго класса совершенно невозможна. И при этомъ также ссылались на опытъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. При этомъ забывали только одно, а именно—что жизнь не стоитъ вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Россія 90-хъ г.г. уже далеко не та, что Россія 60-хъ и 70-хъ. Не тотъ теперь рабочій, не тотъ и крестьянинъ. Не забудемъ, что революціонеры 70-хъ г.г. имѣли дѣло съ тѣмъ крестьянскимъ поколѣніемъ, которое воспиталось въ атмосферѣ рабства, далеко не благопріятствовавшей развитію чувства собственнаго достоинства, развитію самостоятельной мысли и личной иниціативы. Кромѣ того, эти люди еще слишкомъ недавно были освобождены отъ ужасовъ крѣпостного права, и, несмотря на всѣ бѣдствія надвигавшейся экономической необезпеченности, могли до извѣстной степени свободно вздохнуть, съ чувствомъ живого облегченія и съ надеждой на будущее. Наконецъ, они были освобождены царскою милостью, и — какъ естественно было для нихъ думать — только этою милостью. Реальныя, исторически-необходимыя причины освобожденія были отъ нихъ скрыты; они видѣли только безсильную злобу помѣщиковъ-крѣпостниковъ, и потому тѣмъ болѣе благоговѣли передъ рѣшеніемъ

царя, представлявшагося имъ доброжелателемъ, отцомъ-заступникомъ. Если условія освобожденія и не могли удовлетворить крестьянъ, то вѣдь не все же дѣлается сразу: въ будущемъ они могли ожидать дальнѣйшихъ милостей, новаго надѣленія землей, новой, *настоящей* воли. Это настроеніе было настолько сильно, что, какъ извѣстно, въ массѣ мѣстностей крестьяне, несмотря ни на что, упорно приписывали убійство Александра II помѣщикамъ, будто бы желавшимъ отомстить за освобожденіе крестьянъ или помѣшать новому надѣленію крестьянъ землею.

Своеобразно было настроеніе крестьянъ, не менѣе своеобразно было и настроеніе самихъ революціонеровъ. Ихъ энтузіазмъ, высокій идеализмъ, самоотверженность и преданность дѣлу стояли, конечно, внѣ и выше всякаго сомнѣнія. Но въ ихъ распоряженіи не было ни той массы экономическихъ и статистическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ мы теперь черпаемъ наши свѣдѣнія о деревнѣ, ни той массы работъ по крестьянскому обычному праву, ни, наконецъ, той массы беллетристическихъ и полубеллетристическихъ трудовъ, которые, какъ напр. сочиненія Гл. Успенскаго, Златовратскаго, Каронина и др., всесторонне рисуютъ намъ народную психологію, народное настроеніе, завѣтныя чувства и думы народа. Все это изученіе народной жизни — дѣло какихъ нибудь послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Народники-революціонеры 70 хъ г.г. не могли, такимъ образомъ, отправляться въ своей дѣятельности отъ точнаго знанія и пониманія народной жизни. Ихъ отправной, исходной точкой было не знаніе, а *вѣра*. Крестьянинъ былъ для многихъ изъ нихъ загадочнымъ, мистическимъ существомъ, которое они могли свободно надѣлять всѣми тѣми свойствами, которыя подсказывало оптимистически-настроенное воображеніе и жажда скорѣйшаго соціально-политическаго переворота. При такихъ условіяхъ были неизбѣжны и преувеличенныя надежды, и чрезмѣрная идеализація, естественнымъ плодомъ которыхъ должно было явиться впослѣдствіи

Библиотека ИМЭЛ 411887

столь же преувеличенное разочарованіе, столь же чрезмѣрное стремленіе — въ силу закона реакціи — *развѣнчать* прежняго идола — крестьянство...

Вотъ яркая картина психологіи пропагандиста-народника того времени, картина, нарисованная вполнѣ компетентнымъ лицомъ, однимъ изъ участниковъ „движенія въ народъ".

„Послѣ многочисленныхъ попытокъ соціалистическихъ организацій въ послѣднія 25 лѣтъ*) въ русскомъ соціализмѣ назрѣло сознаніе необходимости перенести центръ тяжести соціалистической пропаганды изъ среды кружковъ свободомыслящей интеллигенціи въ среду рабочаго народа, изъ стѣнъ тайныхъ, но шумныхъ сборищъ молодежи — на фабрику, на мірскую сходку, въ крестьянскую избу, въ потайное убѣжище сектанта.

„Русскій соціалистъ долженъ былъ негаданно, нежданно для крестьянина явиться проповѣдникомъ борьбы за свободу тамъ, гдѣ его отцы и братья являлись только съ кнутомъ да окладнымъ листомъ въ рукахъ...

„Но какъ идти къ этому народу, для котораго русскій соціалистъ былъ чужой человѣкъ, отрѣзанный отъ него и по культурѣ, и по привычкамъ, и по традиціямъ. Народъ этотъ былъ для большинства изъ насъ невѣдомая земля. Мы знали, что народъ угнетенъ, знали, что онъ страдаетъ, знали коренную причину этихъ страданій; но какъ относится къ нимъ самъ народъ, въ какихъ формахъ выражаются эти страданія, какъ подойти къ народу съ разъясненіемъ причинъ ихъ — это знали мы очень смутно...

„Русскій соціалистъ надѣлъ на плечи мужицкій армякъ, засунулъ за голенище самодѣльный фальшивый паспортъ, захватилъ въ котомку пачку брошюръ и „безъ дороги въ путь отправился"...

„.... Нерѣдко по незнанію путей русскій пропагандистъ попадалъ прямехонько въ лапы станового и кулака; зачастую у него изъ подъ сермяги выглядывалъ

---

*) Писано въ 1878 году.

конецъ голландской рубахи, а самодѣльный паспортъ изъ охраны отъ бѣдъ превращался въ поличное...

„Скомпанованный на три четверти по западнымъ образцамъ, не знакомый съ деталями крестьянской жизни и ея ежедневной борьбы, русскій соціалистъ поневолѣ былъ абстрактенъ, говорилъ народу о его бѣдахъ и несчастіяхъ слишкомъ общими формулами и часто проходилъ мимо злобы дня, представлявшей собою превосходнѣйшую иллюстрацію общихъ положеній. Поэтому соціализмъ представлялся мужику нерѣдко чѣмъ-то навѣяннымъ, пришедшимъ извнѣ, вмѣстѣ съ самимъ пропагандистомъ, а не выводомъ изъ его собственнаго экономическаго положенія.

„Отправляясь въ народъ пробовать свои силы на пропагандѣ и пробовать своей пропагандой народъ, соціалистъ имѣлъ только одинъ серьезный шансъ за себя—глубокую вѣру въ истинность проповѣдуемыхъ имъ идей“...

И все таки, не взирая на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, опытъ народнической пропаганды давалъ во многихъ мѣстахъ относительно весьма благопріятные результаты. „Нерѣдко вмѣсто того, чтобы крутить лопатки проповѣднику, мужикъ, насторожив ушй, слушалъ его горячія, хотя часто не совсѣмъ складныя рѣчи объ освобожденіи отъ податей, о вольной землѣ, о новомъ мужицкомъ царствѣ, гдѣ не будетъ ни баръ, ни чиновниковъ, и искры вѣры пропагандиста западали въ мужицкую грудь. Зачастую ученикъ оказывался радикальнѣе учителя: послѣдній осторожно, не касаясь идоловъ народа — царя и бога — эманципировалъ его отъ вѣры въ попа и губернатора, а слушатель самъ, по своей иниціативѣ, дѣлалъ переходъ отъ попа и губернатора къ царю и Николаю мученику.... Вмѣсто выдачи начальству мужикъ пряталъ пропагандиста въ подклѣть, а ночью по лѣсной тропѣ провожалъ его въ безопасное убѣжище“*)...

---

*) Всѣ эти цитаты взяты изъ передовой статьи № 1 журнала „Община“, январь 1878 года.

И такъ, даже въ этотъ первый, незрѣлый періодъ движенія деревня вовсе не оказалась безплодной, песчаной пустыней, въ которой бы сохли и безслѣдно пропадали сѣмена пропаганды. И если большинство дѣятелей того времени разочаровались въ возможности дальнѣйшей плодотворной работы, то на это были особыя причины. Отчасти это произошло просто потому, что напуганное правительство обрушилось на пропагандистовъ всѣми силами своей организованной полицейской и административной арміи въ то самое время, когда они еще только пробовали пускать корни въ народѣ. При массовыхъ арестахъ едва лишь приступившихъ къ дѣлу пропагандистовъ, при малочисленности революціонныхъ силъ въ то время, при назрѣвшей необходимости въ самозащитѣ отъ правительственнаго террора путемъ террора революціоннаго — въ деревнѣ могли остаться лишь изолированныя единицы, работа которыхъ, хотя бы и была успѣшной, неминуемо оказалась бы лишь каплей воды въ морѣ... А между тѣмъ смыслъ пропаганды среди крестьянъ видѣли не въ медленной подготовительной работѣ и приписывали ей вовсе не значеніе вспомогательной дѣятельности, направленной на то, чтобы главный ударъ, нанесенный революціей реакціи въ центрѣ, не былъ парализованъ поведеніемъ провинціи и въ частности деревни. Нѣтъ, отъ пропаганды среди крестьянъ въ большинствѣ случаевъ ожидали гораздо большаго, — неизмѣримо большаго. Среди пропагандистовъ значительный процентъ представляли нетерпѣливые энтузіасты, точку зрѣнія которыхъ прекрасно выражаетъ Яковъ Стефановичъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы шли съ самыми широкими надеждами. Намъ казалось, что народъ готовъ принять наше ученіе во всей его научной полнотѣ; нравственныя стороны этого народа, который мы такъ идеализировали, служили намъ въ томъ ручательствомъ. Мы вѣрили, что своимъ появленіемъ въ деревнѣ, смѣлымъ словомъ правды и готовностью жертвовать собой во имя интересовъ народа нетрудно расшевелить въ

немъ мысль и поднять смѣлость его духа. Такимъ путемъ думали мы приблизить осуществленіе революціи настолько, что готовы были по пальцамъ считать годы, когда оно разразится со всею народной мощью и широтою"...*)

Отъ такихъ чрезмѣрныхъ ожиданій, конечно, переходъ къ разочарованію, а затѣмъ къ другой крайности —къ полному невѣрію въ деревню—былъ очень нетруденъ. А если прибавить сюда еще отдѣльныхъ неудачниковъ, склонныхъ приписывать свой неуспѣхъ менѣе всего своему собственному неумѣнью, то намъ будетъ понятна и та психологическая реакція, которая затѣмъ охватила революціонную интеллигенцію и сдѣлала популярной среди нея поговорку, являющуюся суровымъ приговоромъ надъ мечтами о „сліяніи съ народомъ": „съ вами не сольешься, а сопьешся"...

Психологически мы теперь вполнѣ можемъ объяснить себѣ и понять такое настроеніе. Но въ то же время вся эта славная эпоха „хожденія въ народъ" сдѣлалась до такой степени „дѣломъ давно минувшихъ дней", что для насъ не представляетъ болѣе затрудненія вполнѣ спокойно и безпристрастно разобраться въ данныхъ опыта 70-хъ гг. и вывести изъ него должную практическую мораль. Что же доказалъ этотъ опытъ? Онъ доказалъ, конечно, что деревня — не порохъ, въ который достаточно лишь бросить революціонную искру, чтобы вызвать грозный взрывъ народнаго гнѣва противъ его угнетателей; но онъ доказалъ также, что русскій крестьянинъ, какъ и западноевропейскій, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе, чѣмъ западноевропейскій—воспріимчивъ къ дѣльной и умѣлой революціонной пропагандѣ и не обладаетъ „анти-коллективистскимъ черепомъ". Къ сожалѣнію, въ наше время нерѣдко предпочитаютъ знакомиться съ ходомъ и результатами „хожденія въ народъ" по „Нови" Тургенева, чѣмъ об-

*) Я. Стефановичъ, „Наши задачи въ селѣ", въ „Общинѣ" 1878 г. №№ 3—4. Ср. также „Воспоминанія" Вл. Дебагорія-Мокріевича и др.

ращаться къ личнымъ воспоминаніямъ пропагандистовъ-народниковъ, къ періодическимъ изданіямъ той эпохи и т. п. историческимъ матеріаламъ, мирно лежащимъ въ архивахъ подъ слоями пыли. Отсюда и ходячее, вульгарное представленіе о пропагандистахъ, которымъ мужики чуть ли не повсемѣстно связывали руки за спину, сажали въ „холодную“ и доставляли къ становому...

Если это вульгарное представленіе является грубоошибочнымъ даже по отношенію къ тому времени, то тѣмъ болѣе несостоятельно оно теперь. Со временъ 70-хъ гг. многое измѣнилось въ деревнѣ. Выросло новое поколѣніе, не знавшее крѣпостного рабства и отчасти прошедшее черезъ сельскую школу; для него утратило яркость и свѣжесть красокъ благодѣяніе „Царя Освободителя“, и наоборотъ—во всей своей горькой реальности выступили послѣдствія этого историческаго компромисса: малоземелье, выкупная и податная тягость, на мѣсто прежней юридической зависимости отъ помѣщиковъ—экономическая зависимость, при общемъ политическомъ и юридическомъ безправіи, мало уступающемъ прежнему. Для новаго поколѣнія деревни не прошли даромъ ни голодовки, ни мѣры внутренней политики, въ родѣ введенія института земскихъ начальниковъ. Оно устало до безконечности ждать „новой воли“, устало надѣяться на царя, — и въ самомъ дѣлѣ, пресловутый старый „царизмъ“ играетъ все меньшую и меньшую роль въ стихійныхъ движеніяхъ послѣдняго времени. Между тѣмъ аграрныя отношенія все болѣе и болѣе обостряются, учащаются стихійные бунты и отдѣльныя аграрныя преступленія, уже съ годъ тому назадъ обратившіе на себя самое серьезное вниманіе правительства и вызвавшіе съ его стороны извѣстный сокретный циркуляръ губернаторамъ*). Учащаются и столкновенія съ администраціей на почвѣ

*) Затѣмъ къ нему прибавился подобный же циркуляръ Кіевскаго генералъ-губернатора Драгомірова.

стремленія крестьянъ отстоять самостоятельность міра въ его дѣлахъ противъ покушеній на эту самостоятельность со стороны земскихъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ властей. Общій умственный подъемъ и ростъ самосознанія народа неподлежитъ никакому сомнѣнію; новыя теченія замѣтны и въ хозяйственной области, и въ стремленіи къ образованію, къ книгѣ, къ саморазвитію. На почвѣ этого интеллектуальнаго подъема можно ожидать перехода стихійныхъ бунтовъ, сопротивленій властямъ и аграрныхъ преступленій въ болѣе сознательную и систематическую аграрную борьбу, съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ враждебнымъ отношеніемъ ко всему современному режиму. Въ одной изъ мѣстностей Великороссіи уже образовалось крестьянское революціонное „братство“, уставъ котораго напечатанъ „Союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ“. Съ другой стороны, какъ видно изъ изданій русскихъ соціальдемократовъ, въ одной изъ южныхъ малорусскихъ губерній проявляется агитаціонная дѣятельность революціонной „группы сельскихъ робітниковъ“. Все это, быть можетъ, первыя ласточки приближающейся весны.

Неудача движенія въ народъ 70-хъ г.г. такимъ образомъ не можетъ быть аргументомъ противъ возобновленія революціонной работы, имѣющей своимъ объектомъ деревню. Эта работа должна возобновиться, только въ болѣе зрѣлыхъ и болѣе соотвѣтствующихъ времени формахъ.

Но здѣсь намъ можетъ быть сдѣлано еще и другое возраженіе. Соціалистическое движеніе въ Россіи еще недостаточно сильно даже въ городахъ; остается еще слишкомъ много дѣла тамъ, у фабричныхъ станковъ. Не лучше ли сосредоточить на этомъ дѣлѣ всѣ свои силы? Стоитъ ли, выгодно ли такъ разбрасываться? А если въ городахъ еще такъ много дѣла, и если работать тамъ легче, чѣмъ въ деревнѣ, то своевременно ли, въ видахъ экономіи силъ, ставить на очередь вопросъ о революціонной работѣ среди крестьянства?

И это возраженіе также устраняется при болѣе пристальномъ взглядѣ на дѣло. Русская индустрія, слабо развитая относительно громаднаго пространства и народонаселенія имперіи, представляется въ территоріальномъ отношеніи довольно сильно сконцентрированной, скученной въ опредѣленныхъ районахъ. Что же касается интеллигентныхъ силъ русской революціи, то онѣ, прежде всего, не могутъ переноситься по произволу изъ одной мѣстности въ другую и концентрироваться какъ разъ въ мѣстахъ наиболѣе легкой и производительной работы. Онѣ находятся въ зависимости отъ экономической борьбы за существованіе и вынуждены распредѣляться въ территоріальномъ отношеніи соотвѣтственно спросу на интеллигентный трудъ. Кромѣ того, правительство тщательно охраняетъ наиболѣе оживленные промышленные районы отъ вторженія въ нихъ лицъ, политическая благонадежность которыхъ недостаточно гарантирована. Далѣе, заподозрѣнные въ неблагонадежности рабочіе обыкновенно препровождаются въ административную ссылку, подъ надзоръ полиціи, по деревнямъ, гдѣ невольно соприкасаются съ крестьянами. Кромѣ того, многіе рабочіе и безъ того находятся въ тѣсной связи съ деревней, появляясь на фабрикѣ лишь на время и служа со своимъ заработкомъ лишь подсобнымъ средствомъ существованія тѣхъ крестьянскихъ семей, неразрывною частью которыхъ они остаются по прежнему. Съ другой стороны, усложнившіяся условія хозяйственной жизни выводятъ крестьянъ изъ ихъ изолированности и ставятъ ихъ въ ту или иную связь съ городомъ и его обитателями. Благодаря совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ и становится возможнымъ распространить районъ революціоннаго воздѣйствія и на деревни, безъ всякаго новаго „хожденія въ народъ“ и безъ всякихъ спеціальныхъ „поселеній въ народѣ“, а также — что особенно важно — безъ всякаго искусственнаго отвлеченія силъ отъ городовъ, въ ущербъ фабрично-заводскому рабочему дѣлу. Напротивъ, существуетъ масса положеній,

въ которыхъ на выборъ предстоятъ лишь два пути: или работа среди не-пролетарскихъ элементовъ — мелкихъ крестьянъ, ремесленниковъ, кустарей и т. п., — или почти полная бездѣятельность. Уже и сейчасъ въ предѣлахъ Россійской имперіи есть такіе городскіе центры, гдѣ наблюдается положительное *перепроизводство* революціонной интеллигенціи. Мѣстныя условія не представляютъ достаточно широкаго поприща для примѣненія ея силъ, при слабо развитой индустріи рабочее движеніе не можетъ поглотить ихъ всецѣло, а перешагнуть черезъ узкія рамки города, завести связи съ деревней — не хватаетъ иногда иниціативы, иногда вѣры въ возможность и продуктивность такой работы.

Наконецъ, существуетъ очень многочисленный разрядъ интеллигентныхъ людей — наприм., сельскій учительскій или медицинскій персоналъ, служащіе во владѣльческихъ экономіяхъ, отчасти юридическій персоналъ мелкихъ уѣздныхъ и частью губернскихъ городовъ, агрономическіе и т. п. служащіе земствъ — которые по самому своему положенію, по роду своихъ занятій становятся нерѣдко въ самую непосредственную связь съ крестьянскимъ населеніемъ. Конечно, преобладающимъ элементомъ во всѣхъ почти этихъ должностяхъ являются или не болѣе, какъ чиновники съ ногъ до головы, или же скромные культурные дѣятели, желанія которыхъ не идутъ дальше непосредственной посильной помощи народу въ его ближайшихъ, повседневныхъ житейскихъ нуждахъ, въ рамкахъ современнаго государственнаго и экономическаго порядка. Но правительство настолько опасается роста самосознанія народныхъ массъ, настолько подозрительно относится ко всякой личной и общественной иниціативѣ, что какъ будто нарочно дѣлаетъ все для того, чтобы вышибить этихъ мирныхъ культурныхъ работниковъ изъ той легальной колеи, въ которую они стараются ввести свое дѣло. Подозрительность и придирчивость администраціи ставитъ передъ ними роковую дилемму—или вѣчно подчиняться, спускаться по наклонной плоскости

компромиссовъ, урѣзывая свою и безъ того скромную дѣятельность почти совершенно до нуля, — или перешагнуть за тотъ порогъ, который отдѣляетъ легальную дѣятельность отъ нелегальной. Все больше и больше начинаютъ замѣчать эти дѣятели, стремящіеся стоять на строго-законной почвѣ, что они вертятся, какъ бѣлки въ колесѣ, борясь лишь съ немногими проявленіями зла и не касаясь его глубокихъ основаній. Все больше и больше замѣчаютъ они, какъ съуживаются рамки ихъ дѣятельности, какъ изъ ихъ работы вынимаютъ живую душу и оставляютъ лишь мертвенный остовъ; они начинаютъ замѣчать, что ихъ личная инициатива сжата желѣзными тисками, что ихъ превращаютъ въ чиновниковъ, въ ничтожные винтики громаднаго механизма, въ которомъ имъ предоставлена чисто-служебная, исключительно пассивная роль, а результаты ихъ работы заранѣе опредѣлены, и притомъ опредѣлены такимъ образомъ, что они остаются безъ всякаго рѣшающаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Правда, всегда и вездѣ находятся такія робкія, не-боевыя натуры, которыя готовы идти на какіе угодно компромиссы, на какія угодно пожертвованія въ дорогомъ для нихъ дѣлѣ, только для того, чтобы не оставлять тихой пристани строго-законной работы и не выплывать въ открытое негостепріимное и бурное море революціонной борьбы; у которыхъ на всѣ правительственныя стѣсненія есть только одинъ отвѣтъ—покорно склонять голову. О нихъ мы не говоримъ. Но есть люди, которые дѣйствительно прежде всего дорожатъ дѣломъ, отдаются ему вполнѣ и беззавѣтно и не способны уложить лучшія стремленія своей души на прокустовомъ ложѣ дозволеннаго и одобреннаго министерскими циркулярами — короче, неспособны превратиться въ „людей въ футлярѣ“. Въ ихъ душѣ неизбѣжно закипаетъ жажда широкаго и свободнаго активнаго дѣла, рвущагося вонъ изъ тѣсныхъ рамокъ „легальнаго“, и чѣмъ болѣе съуживаются эти рамки подъ вліяніемъ растущей реакціи, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ они эту по-

требность возмѣстить, пополнить невольные пробѣлы легальной работы систематической и сознательной работой нелегальной.

Мы убѣждены, что въ Россіи есть множество людей, которые по самому складу своей натуры, своихъ симпатій и антипатій, по роду своихъ способностей и, наконецъ, по самому своему жизненному положенію стоятъ близко къ этой сермяжной мужицкой массѣ, любятъ ее, знаютъ ее, могутъ и хотятъ работать въ ней и для нея. И вотъ почему мы глубоко убѣждены, что признать необходимость и законность работы въ деревнѣ, помогать этой работѣ изданіемъ, транспортировкой и доставкой подходящей литературы и всякими другими средствами не только не значитъ разбрасываться, затрачивать не-экономно силы, а какъ разъ напротивъ — это значитъ привлекать къ себѣ новыя силы, увеличивать боевой составъ революціонной арміи. Мы глубоко убѣждены, что программа практической, жизненной партіи, чуждой сектантскихъ предубѣжденій и доктринерской узости, должна быть достаточно широка, чтобы въ ея рядахъ, подъ ея знаменемъ нашлось достаточно мѣста для всѣхъ революціонныхъ способностей и симпатій. Практическая, жизненная партія всегда будетъ помнить, что она имѣетъ дѣло не съ автоматами, а съ живыми людьми, съ индивидуальными чертами которыхъ должно считаться. Доктринеры, увлекаясь одной излюбленной перспективой, въ высшей степени склонны требовать концентраціи всѣхъ революціонныхъ силъ на одномъ опредѣленномъ методѣ, въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ; на всякій другой методъ, на всякую другую точку приложенія силы они склонны смотрѣть полувраждебно или даже прямо враждебно. Имъ кажется, что она только отнимаетъ, отвлекаетъ силы, необходимыя для другого, „самаго важнаго“ дѣла. Эта исключительность всегда приносила много вреда всему движенію, взятому въ цѣломъ. Всякая исключительность естественно вызываетъ другую, противоположную исключительность; эта послѣдняя является

какъ бы отвѣтнымъ актомъ, актомъ самообороны со стороны тѣхъ спеціальныхъ видовъ работы, raison d'être которыхъ подвергается сомнѣнію. Въ итогѣ и съ той, и съ другой стороны является взаимное раздраженіе, развивается нетерпимость, сектантство; въ ряды борцовъ вносится разъѣдающее начало раскола, разъединенія. А вытекающее отсюда дробленіе революціонныхъ силъ приноситъ такую массу вреда, которая, конечно, въ нѣсколько разъ превосходитъ всякій мнимый или дѣйствительный вредъ отъ „разбрасыванія".

Мы не думаемъ, конечно, отрицать того, что гнетъ событій, запросы жизни постоянно вліяютъ на перераспредѣленіе силъ партіи между различными родами революціонной работы. Ничего мы не можемъ имѣть и противъ того, чтобы это перераспредѣленіе регулировалось не только стихійнымъ ходомъ событій, но и ставилось подъ извѣстный контроль организаціи. Не надо только черезчуръ увлекаться этой возможностью, не надо забывать о тѣхъ границахъ, которыя ей полагаются природою вещей. Не надо наивно представлять себѣ дѣло такъ, будто партія, подобно главнокомандующему на полѣ сраженія, можетъ передвигать свои силы туда или сюда, руководствуясь исключительно своими тактическими соображеніями. Такая степень власти партійной организаціи надъ дѣятельностью своихъ сочленовъ и невозможна, и нераціональна. Невозможна потому, что перераспредѣлять силы по произволу можно лишь съ громадными матеріальными средствами. Большинство этихъ активныхъ силъ — интеллигентные пролетаріи, которые слишкомъ часто вынуждены искать революціоннаго дѣла тамъ, гдѣ они прикрѣплены условіями существованія и частной жизни, а не наоборотъ. Нераціональна же, конечно, не потому, чтобы мы не признавали принципа партійной дисциплины, этого conditio sine qua non революціонной работы, а только потому, что въ живой и практической партіи эта дисциплина не можетъ, конечно, быть такой бездушной и механической, какъ та, которая заставляла артиллерійскаго генерала

николаевскихъ временъ смѣло говорить: „прикажутъ — акушеромъ буду“. Одинъ и тотъ же человѣкъ, который знаетъ крестьянина, какъ свои пять пальцевъ, умѣетъ примѣняться къ его понятіямъ и способамъ мышленія — можетъ быть въ то же время изъ рукъ вонъ скернымъ пропагандистомъ среди интеллигентной молодежи, своемъ никчемнымъ увальнемъ въ гостинной либерала и самой посредственной „пятой спицей въ колесницѣ“ въ дѣлѣ рабочей пропаганды, какъ и наоборотъ. Необходимо наипродуктивнѣйшимъ способомъ использовать всѣ способности, а это возможно лишь предоставленіемъ имъ подходящаго поприща дѣятельности. Да и вообще—поменьше сектантской исключительности и непримиримости! Если бы кто нибудь, напр., даже считалъ дѣятельность среди крестьянства наименѣе продуктивнымъ изъ всѣхъ родовъ революціонной работы — что же изъ того? Развѣ онъ непремѣнно долженъ къ нему отнестись отрицательно? Въ революціонной программѣ необходимо долженъ быть и „наименѣе продуктивный родъ работы“, какъ въ арміи долженъ быть одинъ „самый слабый“ солдатъ. Если мы систематически будемъ исключать „самаго слабаго солдата“ мы въ концѣ концевъ разгонимъ всю армію. Не надо, далѣе, забывать и того, что занять въ вопросѣ о пропагандѣ среди крестьянъ чисто отрицательную, принципіально отрицательную позицію — значило бы только искусственно отталкивать отъ себя силы, которыя могутъ и будутъ проявляться, по тѣмъ или другимъ условіямъ, лишь на поприщѣ крестьянскаго дѣла. Но изъ боязни не-экономно затратить часть силъ, изъ-за этой *воображаемой* опасности отталкивать отъ себя *реальныя* силы, лишаться ихъ поддержки и лишать своей поддержки ихъ — не значило ли бы это прятаться отъ дождя да въ воду?

Вотъ почему всѣмъ скептикамъ въ вопросѣ о пропагандѣ среди крестьянъ мы прежде всего скажемъ: независимо отъ всякихъ прочихъ соображеній, какъ бы вы ни думали о шансахъ работы въ данный моментъ,

не увлекайтесь вашимъ субъективнымъ настроеніемъ, не угашайте духа у желающихъ работать нѣсколько иначе и въ иной средѣ, чѣмъ вы, не противопоставляйте ихъ порывамъ одного сухого, непреклоннаго и непримиримаго отрицанія. Съумѣйте идти съ ними рука объ руку, а жизнь лучше всякихъ теоретическихъ споровъ покажетъ, кто правъ. Вы увѣрены въ своей правотѣ: хорошо. Если ваше убѣжденіе глубоко и искренно, то въ вашихъ интересахъ, чтобы опытъ, въ благопріятный исходъ котораго вы не вѣрите, былъ обставленъ наилучшимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, результатъ опыта будетъ доказателенъ, будетъ самъ говорить за себя. Нельзя будетъ винить въ неудачѣ недостатокъ поддержки въ той или другой формѣ; нельзя будетъ ссылаться та то, что сдѣлано было не все, что можно и должно было сдѣлать. Спорный вопросъ будетъ рѣшенъ разъ навсегда.

Наконецъ, тѣ, кто говорятъ, что въ принципѣ они не противъ даннаго вида работы — пропаганды среди крестьянъ — а только убѣждены, что у партіи слишкомъ мало силъ, чтобы браться и за это — забываютъ еще одно обстоятельство. Пропаганда на всякомъ новомъ поприщѣ не только требуетъ *затраты* силъ, но и *создаетъ* новыя силы. Само собой разумѣется, для *начала* работы нужно опредѣленное количество интеллигентныхъ революціонеровъ, желающихъ посвятить ей свое время и способности. Но ихъ задача вовсе не должна заключаться въ томъ, чтобы разъ начавши, вынести все дѣло пропаганды на своихъ плечахъ. Какъ въ рабочей средѣ, такъ и въ крестьянской революціонеру-интеллигенту и ненужно, и неудобно самому лично вести массовую пропаганду и агитацію. Его задача скорѣе заключается въ томъ, чтобы намѣчать отдѣльныхъ выдающихся по своимъ способностямъ, по своей энергіи личностей, воспитывать изъ нихъ активный авангардъ, народную интеллигенцію, которой затѣмъ и передавать дальнѣйшее дѣло—расширенія и непосредственнаго руководства массовымъ движеніемъ. Это пре-

красно понимала своимъ здравымъ революціоннымъ чутьемъ партія Народной Воли, когда рекомендовала своимъ членамъ „не ведя массовой пропаганды. . . . сходиться однако съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ партіи, знакомя ихъ съ ея цѣлями". Она, очевидно, прекрасно понимала, что сознательный революціонеръ изъ народа, будучи для остальной массы своимъ человѣкомъ и самъ всецѣло понимая настроеніе этой массы, лучше всякаго интеллигента сможетъ работать надъ расширеніемъ движенія, надъ сліяніемъ теоретически поставленныхъ цѣлей и стремленій съ реальными запросами, нуждами и тяготѣніями народа. Эти выдвинутыя самой народной средой силы будутъ лучшими работниками, лучшими двигателями дѣла, и вотъ почему мы опять и опять повторимъ, что признать необходимость работы въ крестьянствѣ и пойти навстрѣчу этой необходимости значитъ не расточать и разбрасывать силы, а, во первыхъ, утилизировать силы, которыя иначе могли бы остаться безъ пользы, въ сторонѣ, и во вторыхъ — вызывать къ жизни, создавать новыя, свѣжія, еще несуществующія силы. А если у насъ дѣйствительно „силъ мало", то это тѣмъ болѣе необходимо...

Но возможна ли при современныхъ условіяхъ нелегальная работа въ деревнѣ? могутъ насъ спросить. Не являются ли полицейскія условія для нея непреодолимымъ препятствіемъ — подводной скалой, о которую неминуемо разобьется въ самомъ началѣ всякая попытка революціонной агитаціи и пропаганды въ крестьянской средѣ? Что можно сдѣлать въ деревнѣ, гдѣ обычно чуть ли не всѣмъ односельчанамъ по дружбѣ или даже просто по сосѣдству извѣстны интимнѣйшія подробности жизни другъ друга; гдѣ каждый интеллигентный человѣкъ, будь то фельдшеръ, учитель, докторъ и т. п., у всѣхъ на виду; гдѣ отсутствуетъ всякая привычка, всякая способность къ конспираціи, и каждая новость, каждый слухъ чуть не черезъ часъ

облетаетъ все село и становится общимъ достояніемъ? Какъ при такихъ условіяхъ повести дѣло, чтобы не провалить его на первыхъ же порахъ, понапрасну запутавши и себя, и другихъ? А если работа такъ трудна, то не лучше ли, при всѣхъ нашихъ благихъ пожеланіяхъ и симпатіяхъ къ деревнѣ, все таки просто на просто отказаться отъ такой работы въ виду массы жертвъ, неминуемо сопряженныхъ съ ней?

Менѣе, чѣмъ кто либо, мы желаемъ скрывать или затушевывать всю трудность революціонной работы въ деревнѣ. Мы глубоко убѣждены, что только въ томъ случаѣ возобновленіе такой работы и можетъ дать положительные результаты, когда за него возьмутся не искатели „легкаго" дѣла, а жаждущіе посвятить свои силы чему нибудь важному, серьезному, хотя бы и новому; когда за него возьмутся люди, которые не отступятъ передъ необходимостью, если придется, самимъ ощупью прокладывать дорогу, а не только идти по чужимъ слѣдамъ; а главное, когда берущіеся за это дѣло будутъ заранѣе считаться со всѣми возможными трудностями, со всѣми возможными препятствіями. Прежде всего не нужно никакихъ иллюзій, потому что ихъ неразлучнымъ спутникомъ всегда бываетъ чрезмѣрное разочарованіе и апатія. Если ужъ необходимы преувеличенія, то пусть лучше это будутъ преувеличенія въ противоположную сторону.

Итакъ, работа въ деревнѣ трудна, подводные камни, которыхъ нужно остерегаться, многочислены и опасны. Но если ужъ говорить о трудностяхъ и о жертвахъ, то нельзя удовольствоваться одной абсолютной, безотносительной оцѣнкой, а приходится прибѣгнуть къ сравнительной. Какой изъ видовъ революціонной работы не труденъ? Какой не сопряженъ съ жертвами? Мы ужъ не говоримъ о террористической борьбѣ; общее мнѣніе согласно относительно того, что она требуетъ изъ ряда вонъ выходящихъ силъ и чисто-героическаго настроенія. Возьмемъ пропаганду въ войскахъ. Врядъ ли кто-нибудь скажетъ и про нее, что она лег-

че пропаганды среди крестьянства. Общее мнѣніе довольно единогласно относительно того, что рабочее дѣло—это такое дѣло, которое имѣетъ будущее. Но что говоритъ относительно пропаганды среди рабочихъ практика послѣднихъ лѣтъ? Она говоритъ, что именно тамъ, гдѣ эта работа ведется всего оживленнѣе, т. е. въ рабочей средѣ обѣихъ столицъ, условія работы сдѣлались необычайно трудными. Всѣ, извѣдавшіе эту работу на дѣлѣ, въ одинъ голосъ скажутъ, что тѣ чрезвычайныя полицейскія мѣры, которыя приняты правительствомъ для огражденія фабричнаго персонала отъ внѣшнихъ „вредныхъ вліяній", до крайности затрудняютъ сношенія съ рабочими; что въ виду этого поневолѣ приходится сводить число интеллигентовъ, непосредственно сообщающихся съ обитателями фабричныхъ предмѣстій, къ самому крайнему minimum'у, какой только допускается предѣлами безусловной необходимости; что самыя эти сношенія неизбѣжно приходится дѣлать чрезвычайно краткими и отрывочными; что только при этихъ условіяхъ и возможна сколько нибудь продолжительная и систематическая работа; что, наконецъ, вообще средній періодъ пребыванія пропагандиста „на дѣйствительной службѣ" въ рабочей средѣ столицъ—крайне коротокъ*). Было бы однако, странно, если бы на этомъ основаніи кто нибудь вздумалъ отрицать необходимость такой работы или умалять ея значеніе. Не то же ли надо сказать и относительно крестьянства, деревни? Вѣдь въ концѣ концовъ, легко только, какъ говорится „пущать революцію промежду

*) Вотъ, напр., что пишутъ въ № 1 „Искры": „Въ широкихъ размѣрахъ стало развиваться въ Москвѣ провокаторство и провалы слѣдуютъ за провалами. Революціонная работа въ Москвѣ стала крайне трудной. Провокаторство такъ развилось, что въ публикѣ естественно образовалось крайне подозрительное отношеніе ко всему и ко всѣмъ. Отдѣльныя лица и небольшіе кружки, работающіе среди рабочихъ, боятся вступить въ сношенія другъ съ другомъ. Приходится сознаться, что соціальдемократическое движеніе въ Москвѣ, такъ много обѣщавшее въ 1896—97 гг., въ настоящее время переживаетъ періодъ затишья".

себя", но и это невинное занятіе сопряжено въ наше время съ жертвами, и даже съ очень большими, если брать ихъ въ отношеніи къ результатамъ дѣятельности.

Вопросъ о трудности того или другого рода, той или другой отрасли революціонной работы есть вопросъ относительный. Когда партія Народной Воли перенесла центръ тяжести работы изъ деревень въ города, отъ пропаганды среди народа къ прямой, непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ, то это тоже мотивировалось отчасти трудностью работы въ деревнѣ и массой жертвъ, съ которыми она была сопряжена. И мотивировка эта была совершенно правильна. Но значило ли это, что террористическій методъ борьбы былъ менѣе труденъ или стоилъ меньшихъ жертвъ? Конечно, нѣтъ. Это значило только, что *при данномъ настроеніи* деревни (сравнительно съ нынѣшнимъ — весьма неблагопріятномъ) и *при данной наличности* интеллигентныхъ силъ (опять таки, сравнительно съ нынѣшней — очень небольшой) результаты этого рода дѣятельности въ общемъ итогѣ не окупали затрачиваемыхъ силъ. Итакъ работа была слишкомъ трудна и требовала слишкомъ много жертвъ сравнительно съ ея результатами; если настоящее сулитъ бо́льшіе результаты на единицу прилагаемой силы, то, очевидно, соотвѣтственно приходится измѣнить и оцѣнку „трудности" работы*).

*) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что партія Народной Воли никогда не отказывалась совершенно отъ революціонной пропаганды среди крестьянства. Въ инструкціи, которою руководились мѣстныя группы, примыкавшія къ партіи („Подготовительная работа партіи Н. В.") указывалось, что „мѣстныя группы должны заранѣе заручиться.... вліяніемъ на крестьянство" (Календарь Н. В. на 1883 г., стр. 128). Рекомендовалось для этого слѣдующее: „въ отношеніи крестьянства слѣдуетъ занимать мѣста, гдѣ возможно близкое соприкосновеніе съ массами, заслуживать ихъ уваженіе своимъ поведеніемъ, помогать имъ, защищать ихъ интересы.... Не ведя массовой пропаганды, должно однако сходиться съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ партіи, знакомя ихъ съ ея цѣлями" (тамъ же, стр. 129). Въ отдѣльныхъ случаяхъ уже тогда оказывалось возможнымъ идти дальше этого. „Двѣ мѣстныя группы—чи-

Чтобы избѣжать возможныхъ недоразумѣній, пожалуй, не будетъ неумѣстнымъ лишній разъ подчеркнуть здѣсь, что у насъ отнюдь не идетъ рѣчи о какомъ-нибудь перенесеніи центра тяжести революціонной работы обратно, изъ города—въ деревню. Рѣчь идетъ просто о томъ, что соц.-революціонное движеніе не можетъ больше игнорировать своихъ задачъ по отношенію къ деревнѣ и крестьянству, подъ предлогомъ ли ихъ трудности, или же подъ предлогомъ какихъ бы то ни было абстрактныхъ, теоретическихъ построеній. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы утилизировать съ пользою для общаго соціально-революціоннаго движенія тѣ интеллигентныя силы, которыя или внѣшними условіями поставлены въ близость съ деревней и крестьянствомъ, или влекутся къ работѣ среди крестьянства всей совокупностью своихъ индивидуальныхъ способностей и склонностей; ибо несомнѣнно, что движеніе это должно быть достаточно широко, чтобы дать мѣсто въ своихъ рядахъ и утилизировать въ своихъ цѣляхъ всѣ разнообразныя индивидуальныя способности и склонности.

При обсужденіи вопроса объ относительной трудности работы въ деревнѣ (или для деревни, хотя-бы изъ города) нужно принять во вниманіе еще два очень важныхъ соображенія. Во первыхъ, — несомнѣнный

таемъ мы въ томъ же Календарѣ — нашли возможнымъ вести энергическую агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія" (въ ст. П. Лаврова, стр. 113). Напомнимъ также про нѣсколько прокламацій къ крестьянству Исполнительнаго Комитета. Что касается современныхъ представителей народовольчества, то они, считаясь съ измѣнившимися обстоятельствами, идутъ дальше въ томъ же направленіи. „На этотъ разъ — пишетъ, напр., К. Тарасовъ въ „Матеріалахъ для исторіи с. рев. движенія"—и трудящіяся массы должны будутъ принять дѣятельное участіе въ движеніи. Рабочій въ большихъ центрахъ послужитъ точкой опоры для революціонной интеллигенціи и ферментомъ броженія въ народѣ. Разъ всколыхнутое море сѣраго крестьянства усилитъ своей громадной массой напоръ на правительство, и аграрный вопросъ явится, по всей вѣроятности, одной изъ яркихъ чертъ грядущаго политическаго и соціальнаго переворота" (Съ родины и на родину", № 5, стр. 396). Это и наше мнѣніе.

фактъ, что, въ общемъ, въ провинціальныхъ городахъ жить и работать гораздо легче, чѣмъ въ крупныхъ центрахъ, такъ какъ въ провинціи система полицейскаго надзора до крайности груба и первобытна. И это неизбѣжно. Правительству сравнительно нетрудно установить въ пяти-шести самыхъ опасныхъ центрахъ превосходно организованную систему сыска, шпіонства и провокаторства, — хотя и это требуетъ съ его стороны колоссальныхъ денежныхъ затратъ. Но фактически распространить систему сколько-нибудь аналогичной усиленной охраны на провинцію, вплоть до деревни включительно, — это предпріятіе совершенно немыслимое и неосуществимое. Здѣсь правительство можетъ быть выведено изъ затрудненія только добровольнымъ шпіонствомъ досужихъ обывателей, безкорыстно охраняющихъ „основы“.

Съ другой стороны, нынѣшняя деревня уже далеко не та патріархальная деревня, въ которой сосѣдская дружба охватывала одинаково всѣхъ обывателей и превращала ихъ въ одну семью, живущую одной жизнью, безъ тайнъ и секретовъ другъ отъ друга. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ современная деревня довольно рѣзко дѣлится на два лагеря. Одинъ — это „станъ ликующихъ“, центръ котораго занимаютъ главные заправила и воротилы деревни (какъ денежные, такъ и административные), и другой — станъ угнетенныхъ и обиженныхъ, на лѣвомъ флангѣ котораго стоятъ мужики — протестанты, „мірскіе люди“, упорствующіе и закоренѣлые „смутьяны“ и „коноводы“, вѣчные кандидаты на скамью подсудимыхъ за „сопротивленіе властямъ“ или „оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей“. Факты единоличныхъ, партизанскихъ и групповыхъ, коллективныхъ аграрныхъ преступленій, которыми такъ богаты послѣдніе годы, показываютъ, насколько обострены отношенія между двумя этими лагерями*), а трудность раскрытія виновныхъ нагляд-

*) Характеренъ въ этомъ отношеніи возникшій въ послѣднее

но свидѣтельствуетъ о той круговой порукѣ молчанія, которою умѣетъ покрывать виновныхъ сочувствующая имъ часть деревни. Вообще мнѣніе, что крестьяне неспособны къ сколько нибудь широкой организаціи, не умѣютъ держать языкъ на привязи, хранить про себя своихъ мыслей, словомъ вообще неспособны конспирировать, — это мнѣніе совершенно несостоятельно или по меньшей мѣрѣ является запоздалымъ и устарѣвшимъ. Наглядным его опроверженіемъ можетъ служить хотя-бы примѣръ новѣйшихъ религіозныхъ сектъ, у членовъ которыхъ вы встрѣтите вполнѣ выработанныя конспиративныя привычки, при наличности самыхъ широкихъ связей и оживленныхъ сношеній между единовѣрцами, живущими даже въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Нельзя сомнѣваться, что идеи борьбы за народныя права, народную волю и народное счастье по меньшей мѣрѣ смогутъ такъ же тѣсно и прочно сплачивать протестующіе элементы крестьянства, какъ и туманныя религіозныя идеи о значеніи таинствъ и обрядовъ, святости или несвятости иконъ и храмовъ или авторитетѣ духовной іерархіи...

Намъ могутъ возразить, однако, что это разслоеніе деревни, на которое мы указываемъ, есть палка о двухъ концахъ. Въ немъ проявляется новая особенность деревни, невыгодно отличающая ее отъ фабрики. На фабрикѣ рабочее населеніе однородно. Всѣ рабочіе фабрики находятся приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ, работаютъ одинаковое время, получаютъ одинаковую плату, одинаково эксплуатируются хозяиномъ. Эта однородность положенія и однородность отношеній къ хозяину, обусловленная самымъ характеромъ капиталистическаго производства, и порождаетъ ту общность интересовъ, ту сплоченность, въ которой —залогъ силы и успѣха революціоннаго пролетарскаго

время проэктъ обезопасить волостныя власти отъ поджоговъ и т. п. предоставленіемъ имъ привилегіи страховать свое имущество по полной оцѣнкѣ и пр.

движенія. Но его-то мы и не видимъ въ деревнѣ, гдѣ однородность положенія — давно пройденная ступень, уступившая мѣсто растущей дифференціаціи...

Это ходячее противопоставленіе однородности пролетаріата и разнородности крестьянства для поверхностнаго взгляда представляется чрезвычайно вѣрнымъ и глубокимъ. И однако, оно есть плодъ по меньшей мѣрѣ крайняго преувеличенія.

Прежде всего, даже если мы ограничимъ свой кругозоръ предѣлами одной фабрики или завода, одного фабричнаго предпріятія, то не трудно будетъ замѣтить, что даже въ этихъ узкихъ рамкахъ пролетарскій міръ далеко ужъ не такъ однороденъ. Начиная отъ самыхъ мелкихъ надсмотрщиковъ и старшихъ рабочихъ, мы найдемъ цѣлую іерархію положеній. Часть такихъ же, какъ и всѣ, пролетаріевъ представляетъ своего рода фабричную бюрократію, на низшихъ своихъ ступеняхъ почти совершенно сливающуюся съ рядовой массой, на среднихъ же и въ особенности высшихъ все болѣе и болѣе отъ нея отрывающуюся. „Подобно тому, какъ армія нуждается въ военныхъ офицерахъ разныхъ наименованій, такъ точно и массы работниковъ, работающихъ вмѣстѣ, подъ властью одного и того же капитала, нуждается въ своихъ промышленныхъ оберъ-офицерахъ и унтеръ-офицерахъ, которые, въ продолженіе процесса труда, распоряжаются и отдаютъ приказанія именемъ капитала“*). Тѣмъ самымъ они невольно становятся въ противорѣчіе съ интересами рядовыхъ солдатъ промышленной арміи. Всего рельефнѣе это обнаруживается при поштучной платѣ, которую Марксъ называетъ „формой рабочей платы, наиболѣе соотвѣтствующей капиталистическому способу производства“**). Въ самомъ дѣлѣ, „поштучная плата.... даетъ возможность капиталисту вступать въ договоръ съ главнымъ работникомъ—въ мануфакту-

*) К. Марксъ, „Капиталъ“, т. I, стр. 285.
**) Ibid., стр. 484.

рѣ съ главою группы, въ рудникахъ съ углекопомъ и т. п., на фабрикахъ съ работающими при машинахъ,— за такую то поштучную плату, а главный рабочій берется уже самъ навербовать помощниковъ и платить имъ. Здѣсь эксплуатація капитала производится посредствомъ *эксплуатаціи рабочаго самимъ-же рабочимъ*"*).

Это во первыхъ. Во вторыхъ, капитализмъ развиваетъ въ небывалой степени раздѣленіе труда. Но различныя, отдѣляемыя другъ отъ друга функціи производственнаго процесса „бываютъ проще или сложнѣе, выше или ниже, поэтому и органы его, т. е. индивидуальныя рабочія силы требуютъ также очень различной степени выработки и обладаютъ, вслѣдствіе этого, очень различною стоимостью. Такимъ образомъ мануфактура развиваетъ извѣстную іерархію рабочихъ силъ, которой соотвѣтствуетъ также извѣстная градація въ заработной платѣ"**). И этотъ родъ дифференцировки рабочаго класса представляетъ для практика-пропагандиста извѣстнаго рода трудности, справиться съ которыми не всегда легко. Такъ, напр., Францъ Мерингъ въ своей „Исторіи нѣмецкой соціальдемократіи" объясняетъ очень тугой ростъ профессіональныхъ организацій рабочихъ въ металлургической промышленности, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, „что они организовались безъ достаточнаго обособленія отраслей, вслѣдствіе чего столкнулись *очень различные, даже противоположные интересы*" (курсивъ нашъ)***).

Этого мало. „Рядомъ съ іерархической градаціей

---

*) Ibid., стр. 482. Курсивъ нашъ.

**) Ibid., стр. 302.

***) Fr. Mehring, „Geschichte d. deutschen Sozial-Demokratie", B. II, s. 325. Въ текущей литературѣ соотвѣтствующія явленія жизни ярко отразились въ печатавшемся въ „Рус. Бог." за прошлый годъ романѣ „Углекопы" (пер. съ польскаго). На примѣрѣ этого глубоко-реальнаго изображенія профессіональнаго антагонизма и пренебреженія между настоящими углекопами и „шлепрами" можно видѣть, какъ эта дифференцировка разъединяетъ, такъ сказать, солдатъ различныхъ родовъ оружія одной и той же промышленной арміи.

выступаетъ простое раздѣленіе работниковъ на искусныхъ, отъ которыхъ требуются какія нибудь спеціальныя свѣдѣнія или искусство, и на чернорабочихъ, отъ которыхъ не требуется никакихъ познаній или искусства"*). Начинаясь еще въ мануфактурѣ, это „отдѣленіе духовной стороны процесса производства отъ ручного труда" развивается дальше и „окончательно завершается развитіемъ крупной промышленности, основанной на машинномъ производствѣ"**). Квалифицированные рабочіе по сравненію съ не-квалифицированными уже представляютъ своего рода фабричную аристократію. Но и надъ этой сравнительной аристократіей возвышается еще одна, новая.... Въ самомъ дѣлѣ, „кромѣ этихъ главныхъ разрядовъ, имѣется незначительный по численности персоналъ, который смотритъ за всѣми машинами и занимается поправкой ихъ; это инженеры, механики, столяры и т. д. Этотъ *высшій классъ рабочихъ*, изъ которыхъ нѣкоторые съ научнымъ образованіемъ, нѣкоторые съ ремесленнымъ, *стоитъ внѣ круга фабричныхъ рабочихъ* и только присоединенъ къ нему". Далѣе, многіе отчеты „включаютъ въ число фабричныхъ рабочихъ не только инженеровъ и т. п., но и управляющихъ фабриками, приказчиковъ, разсыльныхъ, надсмотрщиковъ складовъ, упаковщиковъ и т. д. — короче, всѣхъ, кромѣ самого владѣльца фабрики***). Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія этого послѣдняго его управляющій есть такой же работникъ по найму, Lohnarbeiter, какъ и самый послѣдній истопникъ, хотя между ними во многихъ другихъ отношеніяхъ и лежитъ „дистанція огромнаго размѣра".

Всѣ эти различія намъ пришлось констатировать, еще не выходя изъ узкихъ рамокъ единичнаго предпріятія. Но необходимо еще отмѣтить противорѣчія непосредственныхъ, ближайшихъ интересовъ между рабочими различныхъ отраслей промышленности, — протц-

*) К. Марксъ, „Кап.", т. I, стр. 303.
**) Ibid., стр. 370.
***) Ibid., стр. 368. Курсивъ нашъ.

ворѣчія, порою весьма рѣзко вліяющія на ходъ политической жизни. Одного примѣра довольно, чтобы выяснить дѣло. Корреспондентъ „Сѣвернаго Курьера“, г. Фордъ, обсуждая результаты послѣднихъ англійскихъ парламентскихъ выборовъ, бывшихъ торжествомъ джингоизма, отмѣчаетъ, что „послѣдовательное паденіе либеральной партіи и усиленіе консервативной наблюдается и въ Лондонѣ, и въ остальныхъ городскихъ округахъ, при чемъ это явленіе яснѣе всего наблюдается въ большихъ городахъ, въ которыхъ фабрикуются въ большихъ размѣрахъ военные матеріалы, какъ наприм. въ Шеффильдѣ, Бирмингамѣ, Ливерпулѣ, Гласго, Ньюкастлѣ, Портсмутѣ, Саутгэмптонѣ“. Да и повсемѣстно война „вызвала усиленный заработокъ многихъ сотенъ тысячъ газетчиковъ, наборщиковъ, докеровъ, военныхъ портныхъ, углекоповъ, рабочихъ металлическихъ и оружейныхъ заводовъ, верфей, матросовъ и т. д.“*). И вотъ, въ то время какъ прогрессивный авангардъ рабочаго класса пытался дать генеральное сраженіе консерваторамъ на почвѣ ихъ имперіалистской политики, цѣлый рядъ слоевъ рабочаго класса откололся отъ него и усвоилъ совершенно противоположную тактику.... Насколько силенъ былъ этотъ расколъ въ семьѣ англійскаго пролетаріата, обусловленный различіемъ непосредственныхъ интересовъ рабочихъ различныхъ отраслей промышленности, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что, по свидѣтельству Эд. Бернштейна, на послѣднемъ съѣздѣ англійскихъ трэдсъ-юніоновъ резолюція, осуждающая войну, могла быть принята лишь очень слабымъ большинствомъ голосовъ...

А затѣмъ еще надо отмѣтить, что наряду съ собственно индустріальнымъ пролетаріатомъ есть еще пролетаріатъ торговый, въ нѣдрахъ котораго, въ свою очередь, опять замѣчается сильная дифференцировка; пролетаріатъ сельско-хозяйственный, очень своеобразный

*) Фордъ, „Результаты парламентскихъ выборовъ въ Англіи“, „Сѣв. Кур.“ 1900, № 335.

и дифференцированный едва ли не больше всѣхъ другихъ слоевъ пролетаріата; наконецъ, Lumpenproletariat и прислуга. Соціаль-демократія стремится, по мѣрѣ возможности, сплотить всѣ эти элементы, въ совокупности образующіе единый классъ — пролетаріатъ, несмотря на всѣ частныя противорѣчія, существующія между его составными частями. Тоже, со своей стороны, вѣрно и по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ. „Если всѣ члены современной буржуазіи имѣютъ одинъ и тотъ же интересъ, поскольку они образуютъ особый классъ, противостоящій другому классу, то въ ихъ собственныхъ взаимныхъ отношеніяхъ интересы ихъ враждебны и противоположны“*). „Единство и нераздѣльность“ всякаго класса есть величина весьма условная и относительная, и пролетаріатъ современнаго капиталистическаго строя не представляетъ исключенія изъ этого общаго правила. *Однородность* пролетаріата, въ той формѣ, какъ ее себѣ представляетъ вульгарное воззрѣніе, есть не болѣе, какъ миѳъ.

Итакъ, если, съ одной стороны, пролетаріатъ далеко ужъ не такъ однороденъ, какъ это часто думаютъ, то крестьянство, съ другой стороны, далеко ужъ не такъ разнородно. Надо условиться, что разумѣть подъ этимъ словомъ. Собственно говоря, крестьянство есть *сословіе*, группировка юридическая, и въ этомъ смыслѣ его нельзя даже и сравнивать съ пролетаріатомъ. Это не двѣ различныя величины одной и той же классификаціи общественныхъ силъ, это элементы двухъ различныхъ классификацій, и потому они частью другъ въ друга привходятъ. Такъ, напр., громадный % чистокровнѣйшихъ индустріальныхъ пролетаріевъ въ Россіи по своему сословному положенію числятся крестьянами. Поэтому, когда о крестьянствѣ говоритъ экономистъ, то онъ употребляетъ это слово въ совершенно особомъ, своеобразномъ смыслѣ. Онъ имѣетъ въ виду особую экономическую категорію, *классъ*, стоящій между про-

*) К. Марксъ, „Нищета философіи“, Женева 1886, стр. 97.

летаріатомъ и буржуазіей. Это—классъ земледѣльцевъ, которыхъ съ пролетаріатомъ сближаетъ во первыхъ то, что источникомъ ихъ существованія является личный трудъ, а во вторыхъ то, что этотъ трудъ является обычно не въ меньшей степени, — хотя и въ другой формѣ,—объектомъ эксплуатаціи со стороны привиллегированныхъ классовъ, какъ и трудъ наемника-пролетарія. Отдѣляетъ же ихъ отъ пролетаріевъ то, что они не отдѣлены, подобно послѣднимъ, отъ своей собственности на средства производства. Такимъ образомъ, съ экономической точки зрѣнія изъ крестьянства исключаются всѣ тѣ, съ одной стороны—чисто буржуазные, а съ другой—чисто пролетарскіе элементы, которые принадлежатъ къ крестьянству лишь номинально, лишь въ сословномъ, юридическомъ, а не въ классовомъ, не въ соціально-экономическомъ смыслѣ. Исключается, такимъ образомъ и чистокровная сельская буржуазія, и совершенно безхозяйные элементы. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ остающемся за вычетомъ этихъ элементовъ общественномъ слоѣ, охватывающемъ значительное большинство крестьянства въ широкомъ смыслѣ, нѣтъ полной однородности; внимательное наблюденіе безъ труда откроетъ и въ массѣ непосредственныхъ, самостоятельныхъ производителей извѣстную дифференцировку. Но, какъ мы видѣли, такая дифференцировка есть нераздучная спутница рѣшительно всѣхъ общественныхъ классовъ и не можетъ составлять какой то особенности, невыгодно отличающей деревню отъ города, трудовое самостоятельное крестьянство отъ пролетаріата.

На ряду съ только что разобраннымъ *теоретическимъ* возраженіемъ противъ возможности пропагандистской и организаціонной дѣятельности среди крестьянства не менѣе ходячимъ и обще-распространеннымъ является другое возраженіе, уже чисто-практическаго характера. Это возраженіе представляется намъ настолько важнымъ, что на немъ стоитъ остановиться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что оно уже не разъ находило отголоски въ литературѣ.

Намъ говорятъ, что даже въ городѣ, на фабрикѣ тѣ рабочіе, которые больше всего сохранили связи съ деревней, представляютъ наиболѣе консервативный элементъ. Несмотря на воздѣйствіе городскихъ товарищей, они туго поддаются пропагандѣ и агитаціи на почвѣ непосредственныхъ интересовъ, разстраиваютъ планы стачечниковъ покорностью хозяевамъ и тѣмъ невольно вызываютъ со стороны „настоящихъ“, профессіональныхъ рабочихъ презрительное и недружелюбное отношеніе. И это даже въ городѣ, когда обстоятельства поневолѣ вырвали ихъ изъ „идіотизма деревенской жизни“, развернули передъ ними новые горизонты, поставили лицемъ къ лицу съ болѣе сложнымъ міромъ, наконецъ, втиснули ихъ въ ряды промышленной рабочей арміи, въ значительной степени уже насыщенной духомъ оппозиціи и протеста. Что же будетъ, если взяться за мужика во всей его нетронутости и цѣльности? Конечно, это ужъ будетъ и подавно толченіемъ воды въ ступѣ. Мы уже довольно пережили въ прошломъ всякихъ разочарованій для того, чтобы вновь безъ нужды идти имъ навстрѣчу. Нѣтъ, признаемъ некультурность мужика, признаемъ, что только послѣ долгой выварки въ фабричномъ котлѣ съ него можетъ слѣзть шелуха деревни—пассивность, индифферентизмъ, духъ рабства и покорности сильному. Это доказываютъ уже не какія нибудь апріорныя, абстрактныя соображенія, а факты, факты и факты...

Да, если бы объ этомъ свидѣтельствовали факты, то все, выше нами сказанное, потеряло бы для насъ значительную часть своей убѣдительной силы. Быть можетъ мы первые тогда признали-бы несвоевременность въ настоящее время такъ подчеркивать возможность и необходимость работы въ деревнѣ, какъ это мы теперь дѣлаемъ. Свидѣтельство живой дѣйствительности, этой послѣдней инстанціи во всякомъ спорѣ, въ нашихъ глазахъ имѣетъ всегда рѣшающее значеніе.

Посмотримъ же, каковы тѣ факты, на которые опираются только что приведенныя возраженія.

Въ брошюрѣ „Положеніе тверскихъ рабочихъ“, изданной редакціей „Рабочаго Дѣла“, мы читаемъ: На Морозовской и другихъ фабрикахъ работаютъ, большей частью мѣстные крестьяне.... Общій уровень развитія и потребностей довольно низкій. Приблизительно около шестой части рабочихъ, немногимъ развѣ больше, уходятъ лѣтомъ въ деревню, остальные работаютъ круглый годъ; изъ послѣднихъ приблизительно третья часть имѣетъ свое хозяйство въ деревнѣ, остальныя двѣ трети пролетаризированы — хозяйства не имѣютъ и являются вполнѣ профессіональными рабочими, исключительно зависящими отъ фабрики. Хозяйственные мужички, работающіе по зимамъ на фабрикѣ (ихъ поэтому называютъ ниже „зимовалами“), составляютъ группу рабочихъ съ самымъ низкимъ уровнемъ потребностей и умственнаго развитія. Даже свой братъ-рабочій рѣзко клеймитъ ихъ „сѣрыми“, „деревней“, „лаптемъ“ и т. п. Эта группа наиболѣе отсталая,—тупа, набожна, своекорыстна, способна рабски унижаться. Нерѣдкость, напримѣръ, что такой рабочій — „лапоть“, вымаливая прибавку, разъ пять бухнетъ въ ноги Морозову, чего никогда не сдѣлаетъ профессіональный рабочій, не говоря уже о заводскомъ. Эта группа смотритъ на зимнюю работу на фабрикѣ, какъ на случайный доходъ, а потому за высокимъ заработкомъ не особенно гонится. Хлѣбъ и картошку, а иногда и капусту, ему везутъ изъ дома, даровую квартиру онъ ухитрится выстучать лбомъ у ногъ Морозова и большаго ему не надо — онъ доволенъ. Хлѣбъ, картошка да капуста, изрѣдка роскошь въ видѣ горшка гречневой каши, квартира даровая—чего еще лучше! Изъ 10—12 рублеваго заработка онъ ухитрится рублей 5 отослать въ деревню, да еще рубль пропить. Понятно, что эта крайне неразвитая деревенская группа, довольная своимъ положеніемъ, является тормозомъ при стачкахъ. Они поголовно всѣ способны работать во время стачки другихъ; если ихъ что и удерживаетъ при стачкахъ въ любой моментъ стать за станки, то, къ сожалѣнію, далеко не

чувство товарищества или слово убѣжденія, а только кулаки, камни да палки ихъ же собратьевъ-рабочихъ. Но появляются войска, оцѣпляютъ корпуса, и эта группа вмѣстѣ съ бабами первая становится за станки; по окончаніи смѣны конвой солдатъ провожаетъ ихъ до самыхъ казармъ, гдѣ живутъ рабочіе и даже охраняетъ самыя казармы.

„Вторая группа, связанная съ деревней родствомъ и хозяйствомъ, хотя и проживаетъ цѣлый годъ на фабрикѣ, однако заглядываетъ въ деревню по праздникамъ, а иногда, въ урожайные годы, на косьбу и жатву: въ деревнѣ у нихъ жены, дѣти, братья, отцы ведутъ все хозяйство, а ихъ рабочія руки, пока-что, не нужны въ хозяйствѣ. Эта группа частью пользуется продуктами деревни, частью нѣтъ; она замѣтно обжилась въ городѣ, на фабрикѣ. Короче, это переходный слой отъ деревенской группы къ профессіональной фабричной, она стоитъ между „лаптемъ“ и „сапогомъ“, въ ней притупляются рѣзкія черты той и другой. При стачкахъ эта группа выдвигаетъ и измѣнниковъ, и отчаянныхъ громилъ...

„Группа профессіональныхъ рабочихъ отколота отъ деревни экономически и связана съ нею только паспортомъ да отчасти податями, на половину уже акклиматизировалась въ городѣ и на фабрикѣ. Своими экономическими интересами она привязана къ фабрикѣ; умственный уровень и уровень потребностей ея гораздо выше первой и даже второй.... ядро всѣхъ стачекъ образуетъ именно эта группа рабочихъ.... она именно беретъ на себя иниціативу забастовокъ“.

Иллюстраціей этихъ положеній служитъ разсказъ объ одной изъ стачекъ, когда „зимовалы были выгнаны кирпичемъ изъ стараго корпуса, и только камни да палки товарищей дѣлали ихъ стачечниками; но стоило только появиться солдатамъ, какъ дѣло измѣнилось. Какъ только полиція и солдаты стали между профессіональными ткачами и „деревней“, „деревня“ стремительно бросилась къ станкамъ; 23 марта „деревня“

уже работала, правда, при исключительной обстановкѣ. Солдаты охраняли входы въ корпусъ, солдаты съ ружьями были размѣщены въ корпусѣ, гдѣ шла работа, солдаты и полиція конвоировали „деревню“, когда она шла со смѣны или на смѣну“.

Характерно, какое практическое заключеніе выводитъ авторъ брошюры изъ всѣхъ, сообщенныхъ имъ многознаменательныхъ фактовъ. Оно поражаетъ своей узостью, мелочностью, незначительностью и несоотвѣтствіемъ съ угрожающе-серьезнымъ характеромъ переданныхъ фактовъ. „Повидимому, требованіе повышенія расцѣнокъ, платы за простой станковъ по винѣ конторы, повышенія процента на утокъ, сокращенія мѣры куска, платы за лишніе аршины—способны объединить всѣ эти фабрики, хотя надо признать, что сильнымъ противовѣсомъ стачки будетъ „деревня“ и женщины“.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ собственнымъ замѣчаніямъ по поводу всѣхъ этихъ фактовъ, мы приведемъ аналогичныя мѣста изъ другой брошюры тѣхъ же издателей—„Чему насъ учитъ Никольская стачка“. Мы не будемъ скупиться на цитаты. Представимъ возможно полнѣе и всестороннѣе аргументацію авторовъ, чтобы не могло быть и рѣчи о какихъ либо неточностяхъ съ нашей стороны.

На Орѣхово-Зуевской Никольской мануфактурѣ также много ткачей-крестьянъ, еще не забросившихъ собственнаго хозяйства. „Эти ткачи-земледѣльцы смотрятъ на свою работу на фабрикѣ, какъ на побочное, подсобное дѣло, и мало вникаютъ въ свою фабричную жизнь. Они готовы существовать здѣсь кое-какъ, впроголодь, лишь бы сколотить деньгу. Къ тому же привыкши дома, въ деревнѣ, къ скверной пищѣ изъ пустыхъ щей и чернаго хлѣба, къ грубымъ лохмотьямъ вмѣсто одежды, они считаютъ счастьемъ пить каждый день чай, ѣсть щи, варенныя съ мясомъ (самого мяса варятъ такъ мало, что о немъ не стоитъ и говорить, —напр. 2 ф. на 3 раза на 3 человѣка взрослыхъ считается хорошей варкой), гречневую кашу съ саломъ

или масломъ: все это для нихъ такъ необычайно, что своихъ товарищей, постоянно работающихъ на фабрикѣ и недовольныхъ своимъ положеніемъ они считаютъ, очевидно, зазнавшимися.

„Привыкши всякую копейку отдавать своему ненасытному богу—крестьянскому хозяйству—.... эти темные люди, полу-ткачи, полу-крестьяне, очень плохо понимаютъ свои интересы, какъ фабричныхъ рабочихъ, и обыкновенно плохіе еще товарищи въ рабочемъ дѣлѣ. Они во что бы то ни стало стараются ладить съ хозяевами и администраціей; наивно вѣрятъ еще, что своимъ покорствомъ, терпѣніемъ и усердіемъ они обратятъ на себя благосклонное вниманіе хозяевъ и тѣмъ улучшатъ свое положеніе.... Эти рабочіе по своей неразвитости не замѣчаютъ, что своимъ терпѣніемъ, своей услужливостью передъ хозяиномъ, они прочнѣе, плотнѣе усаживаютъ его на плечахъ своихъ товарищей-рабочихъ; что они сами не только давятъ плечи этимъ товарищамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшаютъ и свое собственное положеніе. Они не понимаютъ, что ставъ на сторону товарищей, а не хозяина, защищая свои интересы сообща съ другими рабочими, они всѣ, а не одна ихъ сотня, улучшатъ свое положеніе,—поднимутъ заработную плату, улучшатъ свои жилища, заставятъ хозяина прислушиваться къ своему голосу, къ своимъ требованіямъ“...

И здѣсь, какъ въ предъидущемъ случаѣ, „покорную деревенщину“ заставили принять участіе въ стачкѣ камнями и т. п. „вѣскими“ аргументами.

Итакъ, чему же, по мнѣнію автора, учитъ насъ Никольская стачка? Во первыхъ, конечно, необходимости рабочей организаціи. Во вторыхъ, „опытъ этой стачки учитъ также насъ, кто изъ рабочихъ болѣе склоненъ къ организаціи на защиту своихъ интересовъ, кто больше сознаетъ ихъ. Конечно, не полукрестьяне-полурабочіе, а тѣ, кто получаетъ свое пропитаніе отъ работы на фабрикѣ и только отъ этой работы... На организацію этихъ рабочихъ и должны направляться пер-

выя усилія отдѣльныхъ сознательныхъ лицъ; среди нихъ легче всего образовать ядро рабочей организаціи на фабрикѣ.

„Но какъ относиться къ остальной массѣ рабочихъ, массѣ весьма значительной,.... къ полукрестьянамъ-рабочимъ, плохо понимающимъ свои рабочіе интересы на фабрикѣ? Во время борьбы, стачки, остается одно отношеніе, приблизительно то же, что было и на Никольской мануфактурѣ: тѣмъ или другимъ путемъ *заставить* всѣхъ прекратить работы, заставить спрятаться и замолчать всѣхъ хозяйскихъ прихвостней, кто бы они ни были".

Спѣшимъ прибавить, однако, что на этомъ авторы брошюры не останавливаются. Для мирнаго, не стачечнаго времени они совѣтуютъ направлять силы „на повышеніе сознанія" рабочихъ-полукрестьянъ: „пользуясь всѣми крупными и мелкими фактами фабричной и сельской жизни, довести и этихъ темныхъ тружениковъ до сознанія, что хозяинъ — врагъ ихъ, какъ и всѣхъ рабочихъ, что только союзъ рабочихъ можетъ поднять ихъ заработокъ и т. д."

„Мало того—необходимо разъяснить „горе-пахарямъ", что ихъ ненасытный богъ—земельное хозяйство—есть ничто иное, какъ новое крѣпостное состояніе; что клочекъ земли, оцѣненный въ три-дорога въ интересахъ дворянъ-помѣщиковъ, никогда не могущій прокормить хозяина и его семью и окупить цѣлую гору лежащихъ на немъ податей и повинностей, нарочно, какъ камень на шею утопленнику, подвѣшенъ благодѣтельнымъ царемъ-освободителемъ и дворянами съ тою цѣлью, чтобы онъ, освобожденный рабъ, не вздумалъ гулять по всей широкой русской землѣ и устраиваться тамъ, гдѣ ему покажется лучшимъ. Благодаря этому клочку, онъ не можетъ взять паспорта на срокъ болѣе чѣмъ 1-$1^1/_2$ г., не можетъ не платить за землю, которою не пользуется, онъ не можетъ отвязаться отъ этого клочка; этотъ клочекъ всюду идетъ за нимъ, стоитъ надъ нимъ грозой недоимки (за что?)—кутузкой и розгой, а

иногда и истязаніями царскаго слуги — дворянина, земскаго начальника"...

Даже отбросивъ нѣкоторый % всего сказаннаго на долю естественнаго, обусловленнаго извѣстнымъ угломъ зрѣнія преувеличенія, мы получимъ въ остаткѣ несомнѣнное зерно истины. И не останавливаясь на мелкихъ увлеченіяхъ и промахахъ — такъ какъ всякія полемическія цѣли намъ совершенно чужды — мы займемся тѣми совершенно вѣрными фактами, которые лежатъ въ основѣ только что нарисованной картины. Изъ этихъ же самыхъ фактовъ для насъ вытекаетъ съ полной несомнѣнностью совершенно иная практическая революціонная морадь, чѣмъ та, которою заканчиваются цитированныя брошюры.

Изъ самого фактическаго содержанія и изложенія брошюръ, какъ намъ кажется, совершенно очевидно, что неудачные опыты стачечныхъ пропагандистовъ и агитаторовъ съ рабочими-полукрестьянами обусловливаются прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что первые подходятъ къ послѣднимъ *совсѣмъ не съ того конца*. Они, естественно, пробуютъ надъ ними обычную, испытанную, шаблонную аргументацію, имѣющую цѣлью прежде всего доказать ближайшія, осязательнѣйшія выгоды стачечнаго движенія для кармана рабочихъ. И на самомъ дѣлѣ, для наименѣе развитыхъ рабочихъ, еще не доросшихъ до пониманія болѣе широкихъ, идеалистическихъ задачъ движенія, это — самое понятное. Но въ томъ то и дѣло, что главное отличіе „зимовалова" отъ остальныхъ рабочихъ вовсе не тѣ „тупость, своекорыстіе и рабство", про которыя говоритъ авторъ „Положенія тверскихъ рабочихъ". Здѣсь корень дѣла вовсе не въ „идіотизмѣ деревенской жизни", мѣшающемъ, будто бы, понять такія простыя истины, какъ та, что своей покорностью рабочіе только сильнѣе усаживаютъ на своей шеѣ хозяина съ его прижимкой, а дружнымъ сопротивленіемъ могутъ его принудить къ уступкамъ. А въ чемъ же? Авторы цитируемыхъ брошюръ незамѣтно для самихъ себя даютъ на

это очень ясный отвѣтъ. „Эта группа (полурабочихъ-полукрестьянъ) смотритъ на зимнюю работу на фабрикѣ, какъ на *случайный* доходъ", пишетъ одинъ изъ нихъ. Они „очень плохо понимаютъ *свои интересы, какъ фабричныхъ рабочихъ*", прибавляетъ другой; они „смотрятъ на свою работу на фабрикѣ, какъ на *побочное, подсобное* дѣло и *мало вникаютъ* въ свою фабричную жизнь". Выраженіе „мало вникаютъ" кажется намъ здѣсь особенно удачнымъ и мѣткимъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами здѣсь просто совершенно иной соціально-психологическій типъ, иная общественно-экономическая категорія, чѣмъ профессіональный рабочій. Предъ нами люди, всѣ самыя задушевныя мечты и мысли которыхъ устремлены къ землѣ, къ деревнѣ. И за фабричнымъ станкомъ каждый изъ нихъ не перестаетъ думать все ту же свою горькую деревенскую думу. Собственно фабричная жизнь со своими специфическими интересами и волненіями захватываетъ только незначительный отрѣзокъ его внѣшней и особенно внутренней, психологической жизни,—отрѣзокъ, который не имѣетъ и не можетъ имѣть въ его глазахъ *самодовлѣющаго* значенія. Фабричный заработокъ для него не цѣль, а лишь средство, лишь сторонній, случайный, по существу мало интересный прибавокъ для того, что составляетъ центральный пунктъ его думъ — для земледѣльческаго хозяйства, въ которомъ заняты его родители, братья, часто жена и дѣти. И когда къ нему подходитъ агитаторъ, пропагандистъ и по заведенному шаблону начинаетъ съ нимъ говорить о прибавкѣ пятачка на рубль заработной платы или сокращеніи рабочаго дня на полчаса, развѣ этимъ онъ можетъ заставить сочувственно зазвучать самыя чувствительныя струны его сердца? Конечно, нѣтъ. Во все это онъ также мало „вникаетъ", какъ мало вникаетъ почти совершенно оторвавшійся отъ деревни профессіоналъ-рабочій въ сокровенныя думу своего товарища-„лаптя" о своей милой и родной „деревенькѣ"—о коровушкѣ, о сивкѣ, о томъ, что весна дружная, что погода къ урожаю, что

о „выкупахъ“ вышло какое то новое мудреное распоряженіе. И агитаторъ бьется, какъ рыба объ ледъ, тщетно пытаясь втолковать „сѣрому“ о его правахъ на основаніи новаго фабричнаго закона, о прибавочной стоимости и т. д., и т. д. Какъ разъ тѣ самые пріемы „расшевеливанія“ рабочаго, которые обычно затрогиваютъ за живое даже самыхъ косныхъ, отскакиваютъ отъ „деревни“, какъ отъ стѣны горохъ; и наоборотъ, только, быть можетъ, самыя общія мѣста, о правдѣ и неправдѣ, „прижимкѣ“ и утѣсненіи рабочаго человѣка заставляютъ что то шевелиться въ душѣ полукрестьянина, проникаютъ въ ея глубь — проникаютъ, чтобы тотчасъ же своеобразно преломиться сквозь призму мужицкаго міросозерцанія и вылиться въ своеобразную и часто наивную форму какого нибудь соображенія насчетъ „земли-души, души-земли“, какъ въ извѣстномъ превосходномъ очеркѣ Глѣба Успенскаго.

Для того, чтобы вовлечь и эту часть рабочихъ въ общее движеніе, чтобы наполнить духомъ борьбы и протеста ихъ сердца, необходимо подойти къ нимъ совершенно съ другой стороны. Нужно пріобрѣсти прежде всего ихъ сочувствіе и довѣріе, какъ крестьянъ, нужно сойти съ узкой тропинки фабричнаго профессіонализма на широкую дорогу борьбы за права всего рабочаго народа Россіи. Не съуживать, а расширять перспективы городского рабочаго движенія нужно, чтобы заинтересовать въ его успѣхѣ и „зимоваловъ“. Съ ними, въ противоположность рабочимъ-профессіоналамъ, въ стачечной агитаціи необходимо идти не отъ частнаго къ общему, а отъ общаго къ частному. Разъясните имъ общій освободительный характеръ фабричнаго движенія, разъясните его значеніе для общенароднаго дѣла—и только такимъ путемъ вы повліяете на ихъ поведеніе и въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ. Но одна спеціальная агитація на почвѣ мелкихъ фабричныхъ требованій ихъ, конечно, не увлечетъ. Въ осуществленіи этихъ требованій они заинтересованы слишкомъ мало и слишкомъ односторонне; и если кромѣ непо-

средственныхъ результатовъ фабричная борьба въ ихъ глазахъ не будетъ имѣть никакого другого смысла, то, конечно, положительные результаты стачки не перевѣсятъ въ ихъ сознаніи связанныхъ со стачкою лишеній, тревогъ и опасностей. Вѣдь это не то, что рабочій-профессіоналъ, у котораго вся жизнь, со всею суммой ея благъ и золъ, представляетъ собою прямую функцію завоеваній у хозяина и уступокъ ему, выигрышей и проигрышей въ этой повседневной борьбѣ. Для профессіональнаго рабочаго отъ этого зависитъ не только его собственное настоящее и будущее, но и будущее его дѣтей и внуковъ, для благосостоянія и счастья которыхъ тоже вѣдь стоитъ пострадать. Не то у „зимовала“. Его никогда не покидаетъ мысль о случайности его пребыванія на фабрикѣ, о томъ, что на другой годъ „авось поправимся, не для чего будетъ изъ дому уходить“. И дѣйствительно, при стачкѣ иногда на его долю могутъ выпасть одни лишенія, одни „горькіе корни“ начатаго дѣла, — а „сладкихъ плодовъ“ онъ такъ и не дождется. Множество самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ можетъ задержать его, когда онъ покидаетъ фабрику для лѣтнихъ сезонныхъ земледѣльческихъ работъ, и на новый зимній сезонъ въ деревнѣ. Хворость или старость отца, выдача замужъ сестры, отправка брата въ солдаты можетъ заставить остаться имъ на смѣну дома, — а то и просто хорошій урожай выручитъ. Такимъ образомъ, соціальныя условія, въ которыхъ находится „зимовалъ“, съ одной стороны, и профессіональный рабочій — съ другой, обусловливаютъ и различіе ихъ поведенія во время стачки.

Агитація на почвѣ мелкихъ фабричныхъ требованій — вещь, конечно, прекрасная, и если она нуждалась въ реабилитаціи, въ оправданіи въ чьихъ бы то ни было глазахъ, то она, несомнѣнно, на опытѣ неоднократно себя оправдала и доказала свой raison d'être. Но не надо и преувеличивать ея значенія, не надо скрывать отъ себя и оборотной стороны медали. Эта

агитація — въ особенности если на ней односторонне концентрируется дѣятельность, въ ущербъ другимъ видамъ соціально-революціоннаго воздѣйствія на рабочихъ—имѣетъ тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ однороднѣе рабочій составъ. Можно сказать, что положительныя стороны этой агитаціи прямо пропорціональны однородности и обратно пропорціональны дифференцированности рабочаго состава, тогда какъ отрицательныя ея стороны — наоборотъ, прямо пропорціональны дифференцированности и обратно пропорціональны однородности. При общности отдѣленнѣйшихъ, конечныхъ интересовъ труда вообще — въ сильно дифференцированной рабочей средѣ ближайшіе, непосредственные интересы отдѣльныхъ категорій рабочихъ могутъ расходиться весьма значительно. Тамъ, гдѣ на первый планъ выдвигаются конкретнѣйшіе, повседневные — т. е. чисто-профессіональные интересы рабочихъ — развивается извѣстный узкій корпоративизмъ, какъ это показываетъ, между прочимъ, опытъ Италіи, который долженъ быть особенно убѣдительнымъ для насъ въ виду большого сходства русскихъ соціальныхъ условій съ итальянскими. „Корпоративизмъ—говоритъ одинъ изъ видныхъ представителей итальянской соціальдемократіи, Джіовани Лерда—хотя при извѣстныхъ условіяхъ—именно, при достаточной широтѣ и глубинѣ воззрѣній — можетъ приносить чрезвычайную пользу для улучшенія экономическаго положенія рабочаго класса, — за то съ другой стороны можетъ выродиться, и обычно вырождается въ борьбу исключительно за профессіональные интересы, которая ослабляетъ и разрушаетъ то чувство солидарности, которое должно объединять всѣхъ работниковъ безъ различія“*). Частнымъ проявленіемъ этого „корпоративизма“ является и тотъ печальный фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ другой итальянскій соціальдемократъ, Наполеонъ Колайани: „Наши городскіе и индустріальные рабочіе, какъ это

*) Giovani Lerda, «Der Sozialismus in Italien».

уже замѣтилъ проф. Нитти въ „Revue d'économie politique“ Шарля Жида, не только малочисленны, но и составляютъ до настоящаго времени *аристократію труда*, которая относится съ пренебреженіемъ къ громадной массѣ крестьянъ“*).

Такимъ образомъ, недоразумѣнія между „зимовалами“ и профессіональными рабочими въ описанныхъ выше случаяхъ приходится разсматривать просто какъ частный случай того „ослабленія и разрушенія чувства солидарности, долженствующаго объединять всѣхъ работниковъ безъ различія“, которое вообще легко развивается на почвѣ узкаго корпоративизма, организаціи исключительно на почвѣ мелкихъ повседневныхъ интересовъ. Связь значительной части рабочихъ съ земледѣліемъ при этомъ играетъ роль не болѣе, какъ новаго привходящаго и осложняющаго обстоятельства въ общемъ фактѣ дифференціаціи рабочаго класса, его распаденія на цѣлый рядъ различныхъ по экономическому благосостоянію и ближайшимъ интересамъ категорій. И пережитки того стараго, цѣхового, корпоративнаго духа, который заставлялъ одну категорію рабочихъ глядѣть съ пренебреженіемъ на другую и распѣвать: „расканальи столяры, черти плавильщики, свиньи каменьщики, а мы, братцы-кузнецы, удалые молодцы“,— съ особенною легкостью сказываются и здѣсь. Этому способствуетъ, къ тому-же, и различіе во всемъ внѣш-

*) N. Colajani, «La question agraire en Sicile».

**) Мимоходомъ сказать, странно, что авторъ „Чему насъ учитъ Никольская стачка“ этого совершенно не замѣчаетъ, хотя самъ же приводитъ кое какія данныя, которыя могутъ только укрѣпить это заключеніе. Такъ, напр., онъ сообщаетъ, что когда забастовали прядильщики, то, напримѣръ, „среди покорной деревенщины были и ткачи-спеціалисты, рабочіе, занятые только на фабрикахъ“. Мало того, ему приходится даже восклицать далѣе: „выставляемъ на позоръ всего рабочаго народа слесарей и вообще всѣхъ механическихъ рабочихъ(!) фабрики Викулы Морозова сыновья — они шли со своимъ мастеромъ во главѣ защищать хозяйскіе интересы и т. д.“ Ясно, что центръ тяжести былъ вовсе не въ „деревенскомъ идіотизмѣ“, а въ вліяніи дифференцировки рабочаго состава.

немъ образъ жизни, которое всего ярче бьетъ въ глаза простому человѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, сравните два этихъ standard of life. „Штиблеты, калоши, пальто — стали обычнымъ костюмомъ постоянныхъ фабричныхъ. У многихъ — крахмальныя рубашки. Носовой платокъ — необходимая принадлежность постояннаго рабочаго... нерѣдко есть часы у молодыхъ. Зимнее платье — мѣховое; также и шапка. Мужской гардеробъ постояннаго рабочаго: лѣтнее пальто, по возможности по послѣдней модѣ; два пиджака — будничный и праздничный; рѣдко сюртукъ и т. д. Женскій костюмъ стоитъ значительно дороже мужского: 2-3 лѣтнихъ накидки, зимніе дипломаты и шубки —все, какъ и у мужчинъ, по возможности модное...“*) По сравненію съ выходцемъ изъ деревни это, конечно, чистые аристократы, и неудивительно, что презрительная кличка „лаптя“ прежде всего приходитъ имъ на умъ для характеристики этого „зимовала“, который „готовъ существовать кое-какъ, впроголодь...., привыкши дома, въ деревнѣ, къ скверной пищѣ изъ пустыхъ щей и чернаго хлѣба, къ грубымъ лохмотьямъ вмѣсто одежды“; который „изъ 10-12 рублеваго заработка ухитрится рублей 5 отослать въ деревню, да еще рубль пропить“. Съ другой стороны, не менѣе понятно, что и „зимовалы“ „своихъ товарищей, постоянно работающихъ на фабрикѣ и недовольныхъ своимъ положеніемъ, считаютъ, очевидно, зазнавшимися“.

И нѣтъ сомнѣнія, что задача сознательнаго пропагандиста въ этой разнородной средѣ — не подливать масла въ огонь этого узкаго, цѣхового пренебреженія другъ къ другу различныхъ категорій рабочаго класса, а, наоборотъ, всѣми средствами укрѣплять ихъ солидарность. Врядъ ли, однако, этой цѣли можетъ соотвѣтствовать перенесеніе въ агитаціонную рабочую литературу и усвоеніе ею всѣхъ тѣхъ обидныхъ и пренебрежительныхъ эпитетовъ, которыми „рѣзко клей-

*) „Чему учитъ ник. стачка“, стр. 5.

митъ“ выходца изъ деревни „свой же братъ постоянный рабочій“. Еще менѣе соотвѣтствуютъ этой цѣли прямые совѣты, печатно преподаваемые въ этой литературѣ, не стѣсняться въ средствахъ для того, чтобы заставить во время стачечныхъ конфликтовъ „спрятаться и замолчать“ эту часть рабочихъ. Намъ кажется, что затрогивать такіе острые вопросы, касаться столь больныхъ мѣстъ фабричной жизни слѣдуетъ и осторожнѣе, и тактичнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не мѣшаетъ подумать и о слѣдующемъ. Пускай изъ всѣхъ этихъ междоусобныхъ конфликтовъ „настоящіе“ рабочіе выйдутъ побѣдителями. Предположимъ этотъ наиболѣе благопріятный случай. Но не будетъ ли ихъ побѣда въ извѣстномъ смыслѣ Пирровой? Спрашивается: какія чувства по отношенію къ нимъ унесутъ домой, въ деревню, наши „лапти“? Какія впечатлѣнія передадутъ они своимъ односельчанамъ? Какими глазами пріучится вообще глядѣть на пролетаріевъ города наша деревня, наше крестьянство? Все это вопросы въ высшей степени серьезные. По крайней мѣрѣ, таковыми они должны представляться для тѣхъ, кто желаетъ видѣть немного подалѣе собственнаго носа. Неужели же примѣръ Западной Европы, такъ много страдавшей отъ историческихъ недоразумѣній между тружениками города и деревни, пропадетъ для насъ даромъ? Неужели знаменитое положеніе Карла Маркса: „одна нація можетъ и должна учиться у другой“, такъ и останется для насъ витать въ облакахъ абстрактно-возможнаго, не спускаясь на грѣшную землю, не переходя въ реальность? Мы не хотимъ, мы не можемъ этому вѣрить. Широкая связь рабочихъ съ земледѣліемъ, если ее надлежащимъ образомъ использовать въ революціонныхъ цѣляхъ, могла бы явиться чрезвычайно важнымъ средствомъ обезпечить нашу родину отъ повторенія тѣхъ печальныхъ событій, которыхъ такъ много видала Западная Европа, гдѣ темныя реакціонныя силы ловко натравливали другъ на друга родныхъ братьевъ: крестьянина и пролетарія,

а сами въ этой братоубійственной войнѣ выступали, какъ tertius gaudens. Рабочіе, связанные тѣсными хозяйственными и родственными узами съ деревней, могли бы послужить связующимъ звеномъ между активными силами города и деревни, мостикомъ, соединяющимъ ихъ и облегчающимъ проникновеніе идей соціализма и революціи изъ центровъ къ периферіямъ, съ шумной поверхности общества въ самыя сокровенныя глубины народной жизни. Въ этомъ при благопріятныхъ условіяхъ могло бы оказаться нѣкоторое преимущество — одно изъ слишкомъ немногихъ преимуществъ, при подавляющей массѣ невыгодъ — нашего общественно-политическаго развитія сравнительно съ западно-европейскимъ. И если мы даже это возможное преимущество ухитримся превратить въ исключительный источникъ затрудненій, то мы только лишній разъ не къ чести нашей оправдаемъ извѣстную пословицу: „глупому сыну не въ помощь наслѣдство“.

Наша задача, съ одной стороны, ввести рабочихъ въ кругъ чувствъ, думъ и интересовъ крестьянина, расширить ихъ политическій кругозоръ, обогативъ ихъ умъ необходимыми свѣдѣніями по аграрному, крестьянскому вопросу; съ другой же — ввести крестьянъ въ курсъ стремленій и цѣлей городского рабочаго движенія; съ одной стороны, пріучить индустріальный пролетаріатъ глядѣть на себя, не какъ на самодовлѣющую касту, а лишь какъ на передовой отрядъ, какъ на авангардъ всего „трудящагося и обремененнаго“ народа; съ другой же, пріучить и крестьянъ къ той мысли, что исторія, выражаясь словами К. Маркса, „обезпечила имъ въ лицѣ городскихъ рабочихъ естественныхъ представителей ихъ интересовъ“. Эта двусторонняя задача по существу едина, одна ея часть необходимо и предполагаетъ, и обусловливаетъ другую. Необходимо, чтобы и для пролетаріата, и для трудового крестьянства сдѣлалось возможнымъ полное взаимное пониманіе; они должны проникнуться идеей о солидарности своихъ основныхъ интересовъ, и эта идея, эта

мысль должна поднимать ихъ выше всякихъ случайныхъ и мелочныхъ антагонизмовъ. И дѣйствовать въ этомъ смыслѣ вовсе не такъ трудно. Хотя бы въ данномъ частномъ случаѣ, на примѣрѣ Никольской стачки или положенія тверскихъ рабочихъ, легко показать, до какой степени выгодно, непосредственно-выгодно для фабричнаго рабочаго всякое увеличеніе благосостоянія крестьянства или расширеніе крестьянскаго самоуправленія и личной свободы. Чѣмъ выше благосостояніе крестьянъ, тѣмъ выше и уровень ихъ потребностей, тѣмъ меньше опасности, что, придя въ городъ, крестьянинъ продешевитъ себя, согласится работать на невыгодныхъ условіяхъ и собьетъ заработную плату. И напротивъ, чѣмъ дальше идетъ упадокъ крестьянскаго хозяйства, экспропріація мужицкой собственности, тѣмъ болѣе угрожающей становится перспектива наплыва въ города, на фабрики массы конкуррентовъ съ самыми минимальными требованіями отъ жизни, съ самымъ жалкимъ уровнемъ потребностей. Чѣмъ самостоятельнѣе крестьянинъ въ своихъ мірскихъ дѣлахъ, чѣмъ больше онъ привыкъ къ независимости, проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, чѣмъ больше, наконецъ, онъ проникнутъ мірскимъ, артельнымъ духомъ—тѣмъ легче, тѣмъ быстрѣе онъ и на фабрикѣ войдетъ въ ряды борющихся за свои интересы рабочихъ; и наоборотъ, чѣмъ забитѣе и безотвѣтнѣе мужикъ, чѣмъ больше привыкъ онъ къ власти земскаго начальника и т. п. властей, тѣмъ больше опасность, что онъ будетъ на фабрикѣ помѣхой всякой коллективной борьбѣ, для которой нужна общая солидарность, стойкость и выдержанность.

Это сознаніе общности интересовъ крестьянина и фабрично-заводского рабочаго вмѣстѣ съ взаимнымъ пониманіемъ, способностью встать мысленно въ положеніе другъ друга устранятъ возможность цѣховой замкнутости и пренебреженія; и только тогда откроется возможность болѣе плодотворнаго воздѣйствія передовыхъ элементовъ рабочаго класса на новобранцевъ и

„ратниковъ ополченія“ промышленной арміи, періодически, на время или даже просто лишь въ экстренныхъ случаяхъ приходящихъ „изъ подъ сохи да подъ ружье“. Въ самомъ дѣлѣ, *третируя* нельзя пропагандировать. Когда учитель чувствуетъ полнѣйшее презрѣніе къ объекту своей соціально-революціонной педагогіи, какъ „деревенщинѣ“, „лаптю“, „сѣрому“, олицетворенію „тупости, своекорыстія и рабства“, — тогда заранѣе можно сказать, что „на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ, и выйдетъ изъ него не дѣло, только мука“.

А между тѣмъ, не является ли это заключеніе о „тупости“ деревенской группы рабочихъ слишкомъ поспѣшнымъ? Для него, конечно, являются вѣсомымъ прецедентомъ знаменитыя слова Маркса объ „идіотизмѣ деревенской жизни“. Но при этомъ охотно забываютъ, что въ не менѣе рѣзкой формѣ тому же самому Марксу приходилось говорить и объ *идіотизмѣ фабричной жизни*... Иногда онъ даже какъ будто первому отдавалъ нѣкоторое предпочтеніе передъ послѣднимъ: „*Умственное одичаніе* — говоритъ онъ, напр., — искусственно производимое обращеніемъ несложившагося еще человѣка въ простую машину для фабрикаціи прибавочной стоимости... надо отличать отъ естественнаго невѣжества, не затрогивающаго природныхъ умственныхъ дарованій, не губящаго ихъ способности развитія, ихъ естественнаго плодородія“*). „*Вырожденіе* промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ притокомъ въ его среду и постояннымъ поглощеніемъ, такъ сказать, дико растущихъ жизненныхъ элементовъ селъ и деревень“**).

Нисколько не желая отрицать извѣстной „необработанности“ ума средняго крестьянина, мы однако и здѣсь должны возстать противъ преувеличеній, противъ приравниванья всякаго своеобразія мужицкаго ума къ тупости и дикости. Къ этой поправкѣ жизнь давно уже

*) К. Марксъ, „Кап.“, т. I, стр. 350.
**) Ibid., стр. 221 (цит. по 2-му русск. изд.).

принудила многихъ заграничныхъ марксистовъ.... „Съ крестьянами, которые въ сущности столь же вдумчивы, какъ и горожане, но которые имѣютъ свой собственный кругъ дѣйствій и идей и свой собственный языкъ, нужно лишь говорить ихъ языкомъ, примѣняться къ ихъ обстоятельствамъ“, говорилъ на Бреславльскомъ партейтагѣ ветеранъ нѣмецкой соціальдемократіи, нынѣ покойный, В. Либкнехтъ. „Я знаю изъ личныхъ наблюденій, горячо заявлялъ другой видный дѣятель соціальдемократіи, самъ уроженецъ деревни, Э. Давидъ, что, въ общемъ, крестьянинъ сообразительный и практически мыслящій человѣкъ; нельзя смотрѣть на своеобразность крестьянина, какъ на его отсталость“. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, корень всѣхъ недоразумѣній. Слишкомъ часто просто-на просто не умѣютъ приспособиться къ своеобразію мышленія, круга впечатлѣній и идей крестьянина, пытаются взять его совершенно не съ того конца, а потомъ умозаключаютъ почему то не о собственной неумѣлости, а объ его безнадежной тупости.

Сказанное вѣрно и по отношенію къ деревенскимъ „зимовалмъ“-рабочимъ. Такъ какъ они прежде всего крестьяне, а уже потомъ рабочіе, то спеціально-фабричная пропаганда для нихъ должна быть логически вплетена въ пропаганду другого рода, — пропаганду аграрно-соціалистическую. Безъ этого агитаторъ со своей испытанной и вполнѣ пригодной для профессіональныхъ рабочихъ аргументаціей здѣсь будетъ, такъ сказать, понапрасну стучаться въ наглухо заколоченную дверь. Недаромъ такой опытный крестьянскій пропагандистъ, какъ глава баварскихъ соціальдемократовъ Фольмаръ, говаривалъ, что желающій заняться пропагандой среди крестьянъ долженъ начать съ слѣдующаго: прежде всего сжечь агитаціонныя тетрадки, имѣющія въ виду городскія условія... Недаромъ еще болѣе авторитетный представитель нѣмецкой соціальдемократіи, А. Бебель, также доказывалъ, что можно пріобрѣсти довѣріе и симпатіи крестьянъ, лишь соотвѣтствен-

но расширивъ примѣнительно къ ихъ интересамъ и потребностямъ свою программу; тогда какъ, наоборотъ, объ этомъ нечего и думать, если оставаться на почвѣ чисто-пролетарскихъ требованій, такъ какъ „въ ихъ осуществленіи крестьянинъ „заинтересованъ лишь односторонне, да къ тому же и въ пониманіи ихъ ограниченъ".

Иначе разсуждаютъ авторы цитированныхъ выше брошюръ и ихъ идейные единомышленники, чѣмъ и объясняется, конечно, тотъ фактъ, что они не могутъ проложить путь къ сердцу рабочаго-„лаптя". Какъ во время стачки они просто хотятъ такъ или иначе заставить послѣдняго „спрятаться и замолчать", такъ въ спокойное время они пытаются заставить „спрятаться и замолчать" въ его груди крестьянское сердце, а оставить свободно биться только чисто-пролетарское.

Въ эту сторону прежде всего бьетъ цитированное нами сравненіе „клочка земли", которымъ надѣленъ крестьянинъ, съ „камнемъ на шеѣ утопленника", нарочно „подвѣшеннымъ" царемъ и дворянами, „освобожденному рабу", чтобы онъ „не вздумалъ гулять по всей широкой русской землѣ и устраиваться тамъ, гдѣ ему покажется лучшимъ". Бѣда лишь въ томъ, что „освобожденный рабъ" былъ бы очень не прочь, чтобы этотъ смертоносный „камень", т. е. клочекъ земли, былъ побольше, помассивнѣе. Тогда бы, пожалуй, нашъ „утопленникъ", вопреки картинной аналогіи, сразу бы ожилъ... Вотъ платежи и повинности такъ дѣйствительно висятъ у него, какъ камень на шеѣ, какъ камень, тяжесть котораго онъ былъ-бы очень не прочь облегчить хоть немного. И если бы не „земледѣльческое хозяйство", а сбирающее подати правительство представить ему зловѣщимъ „ненасытнымъ богомъ", то, пожалуй, нашъ „лапоть" оказался бы къ такой пропагандѣ нѣсколько болѣе воспріимчивымъ.

Въ томъ же духѣ ведется, однако, и вся дальнѣйшая аргументація. Издатели цитированной брошюры находятъ „необходимымъ разъяснить горе-пахарю", что

„благодаря этому клочку (земли) онъ не можетъ взять паспорта на срокъ болѣе чѣмъ 1-$1^1/_2$ года, не можетъ не платить за землю, которой не пользуется, онъ не можетъ отвязаться отъ своего клочка: этотъ клочекъ всюду идетъ(?) за нимъ, стоитъ надъ нимъ грозой недоимки, кутузкой и розгой, а иногда и истязаніями царскаго слуги — дворянина, земскаго начальника". Не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть результатъ этихъ „разъясненій". Одно изъ двухъ. Или „горе-пахарь" окажется человѣкомъ, еще совершенно незатронутымъ никакими „вѣяніями"—тогда онъ просто абсолютно ничего не пойметъ во всей этой тонкой аргументаціи относительно клочка земли, преслѣдующаго по пятамъ свою жертву и грозящаго ей всякими ужасами, вплоть до истязаній. Или же онъ окажется человѣкомъ, уже кое что смекающимъ по этой части — и тогда, несомнѣнно, онъ прекрасно понимаетъ, что платить за землю, которой не пользуется, или подвергаться паспортнымъ мытарствамъ онъ долженъ вовсе не „благодаря этому клочку", а „благодаря" кое-какимъ инымъ, менѣе безличнымъ и неодушевленнымъ факторамъ.... По всей вѣроятности, онъ кое что знаетъ и о такихъ заграничныхъ странахъ, гдѣ крестьяне также живутъ не безъ „клочка земли", и гдѣ, однако, въ то же время нѣтъ ни нашей паспортной системы, ни круговой поруки, ни земскаго начальника съ розгами.

Искусственное выдвиганіе на первый планъ „клочка земли", какъ главнаго виновника всѣхъ бѣдъ, поневолѣ связано съ натяжками, которыя никогда не подѣйствуютъ на простой, ясный и прежде всего *практическій* здравый смыслъ крестьянина. Когда для него и для его семьи дѣйствительно представляется болѣе сходный и главное прочный, обезпеченный заработокъ внѣ земледѣлія, онъ самъ первый это замѣтитъ и выпишетъ къ себѣ изъ деревни свою родню. Но какъ вы пріучите его вообще глядѣть на клочекъ земли, только какъ на „ненасытнаго бога", когда въ цѣлой массѣ другихъ, вполнѣ конкретныхъ случаевъ этотъ клочекъ

очень явственно играетъ для него роль совершенно другого бога — „хлѣбъ насущный дающаго днесь“? Въ самомъ дѣлѣ, земледѣльческое хозяйство „зимовала“ прокармливаетъ, какъ бы то ни было, всю его семью въ деревнѣ, да и самъ онъ получаетъ оттуда часть своихъ харчей („хлѣбъ и картошку, а иногда и капусту ему везутъ изъ дома“, говоритъ авторъ „Положенія тверскихъ рабочихъ“.). При иныхъ условіяхъ эта точка опоры въ земельномъ хозяйствѣ могла бы даже сослужить хорошую службу при стачкѣ: легче было-бы выдержать періодъ безработицы, меньше пришлось бы голодать. Только пока рабочій совершенно неразвитъ и совершенно не привыкъ къ совмѣстной борьбѣ за общіе интересы, поддержка въ земледѣльческомъ хозяйствѣ просто лишь даетъ ему возможность соглашаться на заработную плату ниже нормальной. На высшихъ стадіяхъ развитія это быстро исчезаетъ. Такъ, наприм., по свидѣтельству „Раб. Дѣла“, „горнорабочій Урала имѣетъ свою характерную физіономію, отличающую его отъ типа обыкновеннаго пролетарія, если не фактически, то по крайней мѣрѣ юридически: уральскій горнорабочій, являясь, съ одной стороны, рабочимъ крупной промышленности, съ другой — оказывается мелкимъ собственникомъ — онъ имѣетъ свой домъ съ землею, и на тѣхъ уральскихъ заводахъ, гдѣ почвенныя условія позволяютъ, занимается земледѣліемъ“. Въ глазахъ правительства это должно было служить „средствомъ его закрѣпощенія и пониженія его заработной платы“; и, однако, оно ошиблось въ своихъ разсчетахъ: „клокъ земли не сдѣлалъ горнорабочаго инертнымъ, неспособнымъ отстаивать свои интересы“*).

Не надо упускать изъ виду еще и слѣдующаго обстоятельства. Нѣкоторыя наблюденія надъ рабочимъ составомъ фабрикъ показали, что на нихъ „по мѣрѣ того, какъ повышается возрастъ рабочихъ, число ихъ непрерывно падаетъ. Отсюда позволительно заключить,

*) „Раб. Дѣло“, № 2—3, стр. 52 и 53.

что фабрика предпочтительно пользуется наиболѣе молодыми рабочими.... Такимъ образомъ фабрика по преимуществу эксплуатируетъ рабочаго въ томъ именно возрастѣ, когда онъ обладаетъ наибольшей работоспособностью. По мѣрѣ же того, какъ эта работоспособность падаетъ, фабрика освобождается отъ такихъ рабочихъ, замѣщая ихъ болѣе молодыми"*). И въ этомъ также заключается одна изъ причинъ, часто заставляющихъ рабочаго держаться за связь съ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Такимъ образомъ, доказать рабочему-полуземледѣльцу, что ему всегда выгодно порвать связи съ деревней, является не особенно-то удобоисполнимой задачей. Да и что бы произошло, если бы въ одинъ прекрасный день наши рабочіе послѣдовали этому совѣту въ сколько-нибудь широкимъ размѣрахъ? Они выписали бы изъ деревни своихъ семейныхъ; получился бы наплывъ новыхъ свободныхъ рабочихъ рукъ, который видоизмѣнилъ бы не въ пользу рабочаго отношеніе между спросомъ на трудъ и его предложеніемъ. Именно эта опасная перспектива, указанная на Бреславльскомъ партейтагѣ нѣмецкой соціальдемократіи Бебелемъ и Давидомъ, побуждала ихъ, а также и соціальдемократовъ многихъ другихъ странъ, требовать мѣропріятій для поддержки крестьянства. Это отлично понимаютъ и огромные англійскіе трэдъ-юніоны, практичность и разсчетливость которыхъ хорошо извѣстна. „Для чего же—говоритъ Ф. О. Герцъ—англійскіе профессіональные союзы рѣшались на такія крупныя пожертвованія въ пользу сельскохозяйственнаго рабочаго движенія, если не въ надеждѣ задержать посредствомъ этого наплывъ изъ селъ лицъ, понижающихъ заработную плату (ländlicher Lohndrücker)?"**) Это подтверждаютъ и отчеты Royal Commission on Labour. „Деревенскія (rural) реформы занимаютъ, дѣйствительно, важ-

*) „Рабочіе на мануфактурѣ Э. Циндель", статистич. изслѣдов. П. М. Шестакова. М. 1900, стр. 21—22.

**) Friedrich Hertz, Agrarfrage und Sozialismus, Berlin, 1901, s. 4.

ное мѣсто въ политической программѣ нѣкоторыхъ англійскихъ трэдсъ-юніоновъ, которые желаютъ задержать иммиграцію земледѣльческихъ рабочихъ въ города и послать излишекъ городского населенія въ деревню; и, имѣя въ виду эти цѣли, ихъ представители выражались сами въ пользу законодательства для облегченія пріобрѣтенія рабочими участковъ земли, allotments,.... устройства фермъ-колоній и т. п.“*)

Сомнительно, наконецъ, чтобы и съ болѣе широкой, чисто-революціонной точки зрѣнія было бы цѣлесообразнымъ всегда рекомендовать разрывъ связи съ деревней малоземельнымъ крестьянамъ, вынужденнымъ искать подсобныхъ заработковъ на фабрикѣ. Не мѣшаетъ считаться съ заявленіемъ, которое на томъ же Бреславльскомъ партейтагѣ было сдѣлано Бебелемъ относительно малоземельныхъ крестьянъ: „въ нашихъ интересахъ теперь, чтобы эти люди оставались въ деревнѣ. Тамъ они сдѣлаются соціалистами-демократами, нашими піонерами, безъ нихъ у насъ въ деревнѣ не будетъ почвы подъ ногами“**).

Подведемъ итоги. Намъ говорятъ, что такъ какъ крестьяне, даже затронутые городскимъ вліяніемъ, во время своего пребыванія на фабрикѣ все таки представляютъ самый косный элементъ, то въ самой деревнѣ, гдѣ крестьяне этими вліяніями почти не затронуты, и подавно пропаганда и агитація теперь не имѣютъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Мы же, разобравшись въ тѣхъ же самыхъ фактахъ, пришли къ совершенно противоположному выводу. Въ нашихъ глазахъ эти факты свидѣтельствуютъ прежде всего объ изъянахъ, пробѣлахъ, вообще о недостаточности тѣхъ методовъ пропаганды, которые до сихъ поръ примѣнялись къ тѣмъ категоріямъ рабочихъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ нашихъ глазахъ эти факты не только не говорятъ о несвоевременности пропаганды, спеціально-

*) T. G. Spyers, The Labour Question, Ch. III, 213.

**) Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands zu Breslau, s. 122.

приспособленной для крестьянъ, пропаганды *аграрнаго* соціализма — напротивъ, они вопіютъ о необходимости и неотложности такой пропаганды. Послѣдняя желательна даже въ интересахъ чисто-рабочаго дѣла, потому что безъ нея мы рискуемъ оставить внѣ движенія, быть можетъ даже враждебнымъ ему цѣлый большой слой рабочихъ; а при помощи такой пропаганды мы не только выигрываемъ этотъ слой, но и распространяемъ косвенно, черезъ его посредство, свое вліяніе и на деревню, и на коренной земледѣльческій классъ.

Быть можетъ, намъ скажутъ, что связь рабочихъ съ земледѣліемъ есть лишь симптомъ нашей экономической отсталости и съ дальнѣйшимъ ходомъ нашего промышленнаго прогресса будетъ уменьшаться? Пусть такъ. Но вѣдь мы говоримъ о настоящемъ, а не объ отдаленномъ будущемъ. Довлѣетъ дневи злоба его. А на нашъ вѣкъ работы на этомъ поприщѣ безусловно хватитъ.

Этого мало. Ослабленіе связи рабочихъ съ деревней есть процессъ, не только очень медленный, но и имѣющій свои предѣлы. На извѣстной ступени промышленнаго развитія выдвигаются новые факторы, сближающіе деревню и городъ, земледѣліе и фабрику. Изъ всѣхъ странъ европейскаго континента самой капитализированной является, безъ сомнѣнія, Бельгія. И, однако, связь рабочихъ съ деревней и тамъ далеко не разорвана, и соціализмъ уже съумѣлъ воспользоваться этой связью. „Въ области Hesbaye — читаемъ мы въ новѣйшемъ трудѣ о бельгійскомъ аграрномъ соціализмѣ — крайне многочисленны парцелярныя владѣнія, такъ какъ горные рабочіе, а также и рабочіе другихъ высокоразвитыхъ индустрій, по общему правилу, стремятся здѣсь купить или арендовать клочекъ земли“*). „Сельское населеніе въ валлонскихъ округахъ доступнѣе для соціализма, чѣмъ въ фламандскихъ, на что

*) Hans Freiherr von Steffens-Frauweiler, „Der Agrarsozialismus in Belgien“, Stuttgardt 1900, s. 3.

должно было не мало вліять и то, что сельское населеніе живетъ въ перемежку съ индустріальными рабочими"*). „Самые ревностные пропагандисты соціализма — это индустріальные рабочіе, которые живутъ въ деревнѣ и часто владѣютъ небольшими парцеллами земли. Они прекрасно знаютъ интересы земледѣльческаго населенія и, по общему правилу, пользуются извѣстнымъ вліяніемъ на него"**).

Въ Россіи не менѣе возможно такое же посредствующее вліяніе на деревню черезъ городскихъ рабочихъ. Но вѣдь это необходимо имѣть въ виду, необходимо заранѣе подготовлять рабочихъ къ роли пропагандистовъ въ деревнѣ; необходимо, чтобы они заранѣе запаслись достаточными для этой цѣли свѣдѣніями, достаточнымъ арсеналомъ аргументовъ, бьющихъ въ глаза примѣровъ, краснорѣчивыхъ фактовъ. Иначе они могутъ очутиться въ деревнѣ, гдѣ такъ нужны свѣтлыя „искорки", въ совершенно безпомощномъ положеніи; а въ деревню попасть они могутъ всякій часъ, всякій день, даже совершенно неожиданно для самихъ себя. „Изъ кондуитнаго журнала и по даннымъ агентовъ составляются списки „неблагонадежныхъ" рабочихъ, кои въ качествѣ „коноводовъ" переправляются, пока что, въ тюрьму, а затѣмъ по этапу въ деревню".... „Забрали всѣхъ забастовавшихъ ткачей, на которыхъ указала фабрика, и большими партіями транспортировали въ тюрьму, а оттуда по этапу въ деревню"... „Свыше 1000 чел. выслали въ деревню, на родину, паспорта и выработки прислали черезъ волость", — вотъ нѣсколько наудачу выхваченныхъ указаній изъ текущей рабочей литературы. А у насъ еще говорятъ, что „некому", будто бы, работать въ деревнѣ!

Итакъ, работа въ деревнѣ — дѣло не легкое, но и возможное, и необходимое. Его трудность лежитъ не столько во внѣшнихъ условіяхъ, какъ въ слѣдующемъ

---

*) Ibid., s. 16.
**) Ibid., s. 18.

обстоятельствѣ. Въ настоящее время всѣ, желающіе будить и развивать политическое сознаніе деревни — выходятъ ли они изъ среды сознательныхъ революціонеровъ, или изъ среды прежнихъ мирныхъ культурниковъ, или изъ среды распропагандированныхъ рабочихъ—всѣ они, работая въ деревнѣ, предоставлены самимъ себѣ, своимъ личнымъ силамъ. Они изолированы другъ отъ друга и каждый вынужденъ ощупью, самъ для себя пробивать дорогу, не зная ни своихъ предшественниковъ, ни работающихъ одновременно на томъ же поприщѣ естественныхъ сотрудниковъ. Общій, коллективный опытъ, въ томъ числѣ и накопленный опытъ историческій, для нихъ большею частью не существуетъ. Мудрено-ли, что ихъ трудъ „подвигается робко, крупицами", что онъ не даетъ разомъ безспорныхъ, для всѣхъ осязательныхъ результатовъ?

У современнаго пропагандиста въ народной средѣ весь агитаціонный и пропагандистскій матеріалъ долженъ помѣщаться въ его собственной головѣ. Каждый долженъ по одиночкѣ, самъ для себя его собирать, группировать, обрабатывать, помнить, умѣть цѣликомъ изложить, потому что, кромѣ собственныхъ умственныхъ силъ, у него нѣтъ никакого оружія, никакого вспомогательнаго средства пропаганды. Нелегальной литературы для крестьянства у насъ совсѣмъ нѣтъ, а легальная необходимо слаба, робка, о тысячѣ предметовъ совсѣмъ не можетъ говорить, о многихъ даже весьма невинныхъ вещахъ можетъ говорить лишь полусловами, полунамеками. Между тѣмъ за послѣднее время получаетъ громадное развитіе ультра-тенденціозное издательство реакціоннаго лагеря, какъ Постоянной Комиссіи Народныхъ Чтеній, Березовскаго, Богдановича, Общества распространенія полезныхъ книгъ и т. п. Для публичныхъ народныхъ чтеній, безплатныхъ библіотекъ и читаленъ разрѣшаются главнымъ образомъ книги этого сорта, старательно сѣющія и подогрѣвающія въ народныхъ массахъ чувства національной и религіозной исключительности, квасного патріотизма, рабскаго

благоговѣнія передъ властью. Для нихъ создается на рынкѣ монопольное положеніе. Они распространяются массами. Лучшая часть легальной литературы для народа, скованная до болѣзненности подозрительной цензурой, можетъ служить лишь слабымъ противовѣсомъ этому вліянію. Конечно, есть кое что, что сильнѣе всякихъ фальшиво-благонамѣренныхъ брошюръ, — это сама жизнь, неудержимо толкающая крестьянина впередъ. Но можно помогать этому вліянію жизни и можно тормозить его...

Что же дѣлается нами для этой помощи? Ровно ничего. Со времени 70-хъ годовъ не появилось ни одной новой агитаціонной брошюры для крестьянства, мало того, даже ни одной попытки переработать, приспособить къ новому времени старыя брошюры. Нечего и говорить, до какой степени устарѣли эти послѣднія. Наше знаніе народной жизни съ тѣхъ поръ такъ далеко ушло впередъ, что, напр., намъ и въ голову не пришло бы говорить съ народомъ такимъ дѣланнымъ, неестественнымъ, вымученнымъ языкомъ, какимъ написаны иныя изъ этихъ брошюръ. Кромѣ того, большинство ихъ проникнуто столь рѣзкимъ бунтарскимъ духомъ, что онѣ совершенно непригодны теперь, когда мы смотрямъ на крестьянина трезвыми глазами, когда мы прежде всего хотимъ поднять уровень его самосознанія, а не просто разбудить въ немъ дремлющаго „инстинктивнаго революціонера“, безсознательно предвосхитившаго въ тайникахъ своей души всѣ конечные идеалы общечеловѣческаго прогресса. Современная революціонная работа должна въ гораздо большей степени, чѣмъ прежде, быть работой *культурно*-революціонной, *образовательно*-революціонной. Ея ближайшею цѣлью должно быть подготовленіе изъ наиболѣе активныхъ и интеллигентныхъ личностей, выдвигаемыхъ самою народной средой — сознательныхъ революціонеровъ, борцовъ за мірской, общественный интересъ, руководителей крестьянства во всѣхъ его умственныхъ и общественныхъ движеніяхъ. Эта, выдвигаемая самимъ на-

родомъ своеобразная „народная интеллигенція“ можетъ явиться прочнымъ связующимъ и передаточнымъ звеномъ между городомъ и деревней. Революціонная интеллигенція города, „мыслящій пролетаріатъ“ можетъ и долженъ лишь *начать* революціонную работу въ деревнѣ, а затѣмъ уже она естественнымъ образомъ перейдетъ въ руки передовыхъ крестьянъ, будетъ ими продолжена и доведена до конца. Они, будучи плотью отъ плоти и костью отъ костей сермяжной земледѣльческой массы, несомнѣнно, гораздо лучше всякаго городского „мыслящаго пролетаріата“ съумѣютъ приспособить революціонную тактику къ всевозможнымъ мѣстнымъ условіямъ, связать ее съ насущными, сознанными потребностями массъ, приспособить ее къ ихъ уровню пониманія, къ ихъ психологіи, выясняя отвлеченныя идеи не голой логической аргументаціей, а методомъ наглядnаго обученія, на фактахъ живой окружающей дѣйствительности....*) Только тогда, когда народъ изъ собственной среды выдвинетъ руководителей своихъ движеній; только тогда, когда интеллигенція изъ центра агитаціи превратится въ могучій своими знаніями, своимъ умственнымъ капиталомъ вспомогательный органъ для движенія, съумѣвшаго встать и стоять на своихъ собственныхъ ногахъ — только тогда революціонное дѣло въ деревнѣ можно считать упроченнымъ, только тогда оно будетъ вполнѣ зрѣлымъ плодомъ союза идеи съ жизнью. Нечего и говорить, какъ далеки мы теперь отъ такого положенія. Нечего и говорить, что во всемъ своемъ объемѣ эта задача общественно-интеллектуальной эмасипаціи крестьянства врядъ-ли можетъ быть достигнута при современныхъ политическихъ условіяхъ Россіи. Но несомнѣнно также и то, что въ предѣлахъ, допускаемыхъ условіями переживаемаго историческаго момента, мы должны революціонизировать деревню и

*) Вопросъ о пріемахъ пропаганды и агитаціи въ деревнѣ, о способахъ, которыми можно къ нимъ приступить, вообще о технической сторонѣ этого дѣла мы разсчитываемъ обсудить подробно въ особомъ выпускѣ.

сейчасъ, мы должны и сейчасъ заручиться тамъ энергическими и вліятельными сторонниками, которые въ критическій моментъ—моментъ рѣшительнаго столкновенія между силами реакціи и революціи въ городѣ, — съумѣли бы или оказать прямую поддержку дѣлу свободы, или по крайней мѣрѣ нейтрализовать противоположныя тенденціи.

Мы глубоко убѣждены, что будущее въ Россіи можетъ принадлежать только такой партіи, которая съумѣетъ найти точку опоры для борьбы не только въ городѣ, но и въ деревнѣ; которая съумѣетъ въ своей программѣ гармонически слить воедино представительство и защиту интересовъ фабрично-заводского рабочаго класса и массы трудового крестьянства. Безъ всякой опоры въ крестьянствѣ, а тѣмъ болѣе *противъ его воли*, никакая революціонная партія не сможетъ нанести въ Россіи серьезнаго, рѣшительнаго удара буржуазно-капиталистическому режиму, который умѣетъ у насъ мирно уживаться вмѣстѣ съ обломками дворянско-крѣпостной эпохи подъ крылышкомъ русскаго абсолютизма. Таково, повторяемъ, наше глубокое убѣжденіе.

Ясно, что современная, нынѣ предстоящая намъ работа въ крестьянской средѣ никоимъ образомъ не можетъ просто копировать или повторять работу 70-хъ годовъ. И прежде всего она должна быть глубже, серьезнѣе, должна помогать органически совершающейся переработкѣ, эволюціи народнаго міросозерцанія. Немудрено поэтому, что изъ всей массы агитаціонной нелегальной литературы для крестьянства, появившейся въ 70-хъ гг., могутъ пригодиться и для настоящаго времени всего лишь двѣ-три брошюры, да и то подъ условіемъ значительныхъ и коренныхъ измѣненій. Не надо забывать, что агитаціонная нелегальная литература должна являться до извѣстной степени живымъ образчикомъ того, какъ, какимъ языкомъ, съ какими аргументами обращаться къ среднему крестьянству. Нелегальная литература для народа должна быть источни-

комъ, изъ которой пропагандистъ, возвратившійся въ деревню, рабочій, выдающійся по уму и энергіи крестьянинъ, попавшій въ деревню интеллигентъ могли-бы черпать готовый, собранный и обработанный матеріалъ для доказательства проводимыхъ идей.

Поэтому-то задачи современной литературной пропаганды среди крестьянъ должны быть возможно болѣе широки и всеобъемлющи. Она должна давать понятіе, во первыхъ, о томъ, какъ и почему приходится крестьянству терпѣть отъ современнаго экономическаго и государственнаго строя: разъъяснить сущность реформы 1861 года не въ томъ фальшиво-идеализированномъ свѣтѣ, въ которомъ ее рисуютъ разныя благонамѣренныя консервативныя и либеральныя брошюрки, а въ ея настоящемъ, неподкрашенномъ видѣ; выяснить во что обошлась крестьянину его земля; выяснить сущность выкупной операціи, благодаря которой онъ въ настоящее время въ *третій разъ* выплачиваетъ данную ему государствомъ ссуду, сущность нашей податной системы и показать истинные размѣры суммы выплачиваемыхъ крестьяниномъ ежегодно прямыхъ и косвенныхъ налоговъ; дать критику современнаго положенія продовольственнаго и переселенческаго дѣла; показать, сколько ненужнаго горя создаютъ наши уголовные законы, какую роль играетъ армія и т. д., и т. д. Надо развить въ популярной формѣ идею національзаціи земли и общественной, планомѣрной, соціалистической организаціи производства. Надо выяснить идею выборнаго начала, самоуправленія и раздѣленія властей во всемъ ея объемѣ, и дать съ этой точки зрѣнія критику всего нашего административнаго и государственнаго устройства, начиная отъ сельскихъ и волостныхъ властей и кончая министрами и самимъ главою государства. Надо выяснить противоположность интересовъ крестьянина, какъ самостоятельнаго производителя, какъ арендатора и какъ наемнаго рабочаго, съ интересами крупныхъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Надо посвятить рядъ брошюръ пріемамъ экономической и политической

борьбы, выработаннымъ опытомъ западно-европейскихъ странъ: ирландскимъ аграрнымъ движеніемъ съ его аграрнымъ терроромъ, бойкотомъ, парламентской борьбой, лигами крестьянъ и арендаторовъ для борьбы съ лэндлордами; тайными крестьянскими союзами Венгріи и Сициліи, стачками венгерскихъ, голландскихъ и датскихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, Bauernbund'ами Германіи, Бельгіи и Голландіи, возстаніями крестьянъ въ Румыніи и Сициліи, организаціями въ родѣ Базелландскаго крестьянско-рабочаго союза Швейцаріи и т. д., и т. д. Надо дать крестьянину ясное понятіе о современномъ рабочемъ движеніи, его цѣляхъ, его средствахъ борьбы, его ростѣ и успѣхахъ; надо выяснить ему солидарность интересовъ трудящейся крестьянской массы съ интересами городского пролетаріата и вытекающую отсюда необходимость ихъ объединенія и дружной совокупной борьбы противъ общихъ враговъ. Надо дать и рабочимъ, и крестьянамъ понятіе о томъ, что уже сдѣлано на этомъ поприщѣ сближенія съ крестьянствомъ со стороны соціалистическихъ рабочихъ партій Франціи, Италіи, Даніи, Бельгіи, Голландіи, Баваріи, Галиціи и др. Со всѣмъ этимъ, по возможности, долженъ быть знакомъ пропагандистъ, имѣющій объектомъ своей работы деревню; со всѣмъ этимъ, по возможности, необходимо ознакомить передовыхъ, энергичнѣйшихъ крестьянъ и отправляющихся въ деревню сознательныхъ рабочихъ. А помимо живого слова все это можно сдѣлать почти исключительно при помощи *нелегальной* печати, легальная говорить обо всемъ этомъ достаточно яснымъ для народа языкомъ, конечно, не можетъ.

Все это, однако, лишь одна сторона дѣла. Съ другой стороны нужна живая помощь дѣломъ тѣмъ активнымъ натурамъ, которыхъ выдвигаетъ сама деревня. Нужно помогать имъ поднять упавшій духъ крестьянства, его активность, его сплоченность, способность къ борьбѣ и сопротивленію, настойчивость, твердость и осторожную, цѣлесообразную выдержанность въ борьбѣ за свои пра-

ва. Нужна, словомъ, организація активныхъ народныхъ силъ для живого дѣла, для агитаціи на почвѣ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ и временныхъ нуждъ, сознаваемыхъ всею массою трудового крестьянства; нужна организація массовой борьбы, массового протеста, облеченнаго, гдѣ это возможно, даже въ законныя формы—чтобы дѣятельнымъ участникомъ въ нихъ могъ быть самый послѣдній, заурядный крестьянинъ, на котораго такое участіе будетъ дѣйствовать ободряющимъ образомъ, поднимая его сознаніе своего человѣческаго достоинства, его вѣру въ себя, въ свои силы, его классовой, мірской, артельный духъ. Нужна организація этихъ силъ для экономической борьбы съ сосѣдними помѣщиками, съ мѣстными кулаками и міроѣдами, съ злоупотребленіями сельскихъ и волостныхъ властей, наконецъ, для борьбы за интересы крестьянскаго общества противъ произвола земскихъ начальниковъ и тому подобныхъ маленькихъ самодержцевъ-администраторовъ. Все это можетъ быть отличной школой общественной самодѣятельности, способности сплоченно, дружно стоять другъ за друга и дѣйствовать скопомъ.

Конкретныя *средства борьбы* крестьянства со своими врагами на поприщѣ экономическихъ, аграрныхъ, и юридическихъ, правовыхъ отношеній, во первыхъ, не могутъ быть изобрѣтены головой, въ кабинетномъ уединеніи, а могутъ быть продиктованы только жизнью, и во вторыхъ— они не могутъ быть повсюду одинаковыми, а могутъ и должны безконечно разнообразиться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Народъ самъ постоянно вырабатываетъ эти средства своимъ горькимъ опытомъ, и эта выработка пойдетъ только быстрѣе и сознательнѣе, когда она перейдетъ въ руки организованныхъ крестьянскихъ союзовъ или „братствъ“, которые будутъ пользоваться при этомъ не только своимъ личнымъ опытомъ, но и коллективнымъ историческимъ опытомъ Россіи и Западной Европы. Пріобщить активныхъ людей деревни къ этому опыту является ближайшей задачей революціонно и культурно работающей интеллигенціи.

Такой союзъ интеллигенціи и народа — и только онъ одинъ—можетъ превратить современныя стихійныя народныя движенія въ сознательныя и направить ихъ на разумный путь. И только союзъ рабочихъ людей города и деревни представитъ собою достаточную реальную силу для того, чтобы сломить силу современнаго порядка и подготовить торжество идеаловъ соціализма и революціи.

Идея о необходимости и своевременности революціонной работы, имѣющей своимъ объектомъ деревню — не намъ однимъ принадлежитъ. Покойный Степнякъ почти 10 лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ эту неизбѣжность воскресенія „крестьянскаго дѣла“. Говоря о необходимости расширенія русла революціоннаго движенія, онъ, между прочимъ, замѣчалъ: „Россія – крестьянская земля. Но насколько намъ извѣстно, среди русскихъ революціонеровъ, нѣтъ въ настоящее время фракціи, серьезно ищущей опереться на крестьянъ, т. е. дѣйствительно работающей для пріобрѣтенія среди нихъ сторонниковъ. Обжегшись на крестьянствѣ 18 лѣтъ назадъ, партія ,повидимому, не рѣшается приступиться къ нему снова. А между тѣмъ за этотъ долгій промежутокъ времени крестьянство успѣло значительно преобразиться. Двадцать лѣтъ ломки и развитія, урядниковъ и сектантства, голода, обезземеленія и грабительства не прошли для него безслѣдно. Новыя попытки „движенія въ народъ“, разумѣется, не въ старой формѣ и не съ старымъ содержаніемъ, а съ практическимъ и понятнымъ планомъ передачи земли народу государствомъ и крестьянскаго самоуправленія — такая попытка имѣла бы, намъ кажется, всѣ шансы встрѣтить иной откликъ и дать совершенно иные результаты, чѣмъ попытки 70-хъ годовъ. Но этой фракціи нѣтъ пока, хотя она, вѣроятно, не замедлитъ возникнуть при естественномъ ростѣ движенія или при первомъ широкомъ признакѣ народнаго „шевеленія“*).

*) С. Степнякъ. „Чего намъ нужно“, Лонд. 1892, стр. 5—6.

И когда эти пророческія слова оправдались, когда зародившаяся въ Россіи потребность вызвала заграницей организацію, преимущественно съ издательскими цѣлями, „Аграрно-соціалистической лиги," то самую драгоцѣнную и столь необходимую на первыхъ порахъ нравственную поддержку молодая организація нашла въ нашемъ общемъ великомъ учителѣ и ветеранѣ революціоннаго дѣла — нынѣ, увы, опять таки покойномъ Петрѣ Лавровичѣ Лавровѣ. Однимъ изъ первыхъ выпусковъ Лиги должно было выйти обѣщанное имъ большое программное „письмо", посвященное итогамъ опыта революціонной работы среди крестьянства 70-хъ гг. Въ немъ покойный Петръ Лавровичъ думалъ особенно подробно остановиться на такихъ трудныхъ и острыхъ вопросахъ тактики пропагандиста, какъ отношеніе къ религіи, къ сектантамъ и т. п. Стихійная сила смерти вырвала изъ его рукъ перо, и это его послѣднее политическое завѣщаніе Лигѣ осталось ненаписаннымъ....

Совѣты и указанія Петра Лавровича Лаврова, вмѣстѣ съ активнымъ участіемъ цѣлаго ряда нынѣ живущихъ дѣятелей пропагандистскаго движенія 70-хъ гг., возобновили драгоцѣнную для всякаго движенія преемственную связь между старымъ и новымъ. И нынѣ, бросая ретроспективный взглядъ на промежутокъ времени, протекшій съ появленія въ свѣтъ перваго изданія настоящей брошюры, которымъ дебютировала Аграрно-соціалистическая Лига—мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія можемъ констатировать, несмотря на краткость времени (менѣе года), крупные успѣхи, сдѣланные идеею аграрно-соціалистическаго, крестьянскаго дѣла.

Годъ тому назадъ намъ приходилось отъискивать въ текущей соціально-революціонной литературѣ лишь разрозненные голоса въ пользу возобновленія работы среди крестьянъ (статьи Чемизова въ Листкахъ Лонд. Фонда В. Р. П., С. Григоровича и др. въ „Русскомъ Рабочемъ". отдѣльныя мѣста въ изд. „Рабочаго Знамени"). Между тѣмъ на противоположной чашкѣ вѣсовъ лежала резолюція русской секціи Лондонскаго международ-

наго соціалистическаго конгресса, резолюція, настаивавшая на „невозможности вести успѣшную революціонно-соціалистическую пропаганду и агитацію среди сельскаго населенія“*), по крайней мѣрѣ въ настоящее время, при современныхъ политическихъ условіяхъ**).

Иначе обстоитъ дѣло теперь. Объ фракціи расколовшагося союза русскихъ соціаль-демократовъ — и та, взгляды которой представлены „Зарей“, и та, взгляды которой представлены „Рабочимъ Дѣломъ“—начинаютъ все сочувственнѣе и сочувственнѣе относиться къ дѣлу сельской пропаганды и агитаціи.

„Въ листкахъ и воззваніяхъ—пишетъ въ „Зарѣ“ Г. В. Плехановъ—намъ слѣдуетъ обращаться.... не только къ рабочимъ, *но и къ крестьянамъ*.... Многіе промышленные рабочіе имѣютъ въ деревнѣ отцовъ и братьевъ. Правда, промышленные рабочіе воспріимчивѣе сельскохозяйственныхъ, и потому первыя наши усилія естественно направляются на промышленные центры. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ увѣнчаются эти наши усилія, т. е. чѣмъ больше возрастетъ наше вліяніе на промышленныхъ рабочихъ, тѣмъ возможнѣе и необходимѣе станетъ для насъ революціонное воздѣйствіе на деревню. Зная это, мы *уже теперь должны прокладывать себѣ дорогу въ нее всякій разъ, когда къ тому представляется удобный поводъ*“***).

„Во все учащающихся волненіяхъ крестьянства—читаемъ мы, съ другой стороны, въ предпослѣднемъ № „Рабочаго Дѣла“—проявляются также чувства солидарности, товарищества, готовности къ борьбѣ за общіе интересы—и въ этомъ залогъ его лучшаго будущаго“,

---

*) См. „Докладъ делегаціи русскихъ соц.-дем. междунар. соц. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г.“ стр. 29.

**) Ibid., стр. 27—28 См. также комментаріи къ этому докладу въ №№ 3—4 „Работника“ стр. 163. „Что касается сельскаго пролетаріата... политическая и соціалистическая агитація въ его средѣ невозможна при настоящихъ политич. условіяхъ“.

***) „Заря“ Соц.-дем. научно-политическій журналъ, № 1, апрѣль 1901 г., стр. 26—27. Курсивъ нашъ.

залогъ того, что при расширеніи рабочаго движенія „и крестьянство*) не останется безучастнымъ зрителемъ и безъ колебанія станетъ на сторону борцовъ за свободу и счастье *всего народа*“**.)

Наконецъ, вышедшій въ Россіи „манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ почти цѣликомъ воспроизводитъ программу „аграрно-соціалистической лиги“. Упомянемъ еще о спеціальной группѣ „Крестьянское дѣло“. Все это—наши товарищи по работѣ, наши идейные единомышленники, и жизнь не замедлитъ закрѣпить и упрочить между нами самый живой, тѣсный и дѣятельный союзъ ,который, будемъ надѣяться, разрѣшитъ на практикѣ выдвинутый нами „очередной вопросъ революціоннаго дѣла“.

Высказанная нами въ первомъ изданіи настоящей брошюры смѣлая по тому времени надежда, „что всѣ русскіе соціалисты, безъ различія направленій, съ сочувствіемъ отнесутся къ дѣлу возобновленія соціально-революціонной работы въ деревнѣ, выдвигаемому нами на очередь“—повидимому, близка къ осуществленію.

Потребность въ немъ очевидно назрѣла. Мы вѣримъ, что лучшія интеллигентныя силы Россіи не захотятъ уйти отъ требованій жизни, замкнувшись отъ нихъ въ непроницаемую броню кабинетной доктрины или скрывшись подъ сѣнью дряблаго пессимизма. Когда народъ страдаетъ, мретъ и пухнетъ отъ голода,—находятся люди, отдающіе на служеніе ему свои силы, стремящіеся къ нему на помощь, идущіе лѣчить и кормить его. Но вѣдь всѣ эти голодовки. всѣ эти эпидеміи, всѣ эти народныя страданія—все это лишь симптомы общаго, глубоко лежащаго соціальнаго зла; борьба съ ними составляетъ лишь палліативъ,—правда необходимый палліа-

---

*) Къ этому слову авторъ прибавляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „говоря о крестьянствѣ, я, конечно, не имѣю въ виду сравнительно малочисленнаго слоя разбогатѣвшей сельской буржуазіи“.

**) Раб. Дѣло“, № 7, авг. 1900, стр. 34.

тивъ. но все таки палліативъ. Никакіе благотворители въ мірѣ не помогутъ народу. не смогутъ исцѣлить его язвы, если онъ самъ себѣ не съумѣетъ помочь, не съумѣетъ отвоевать себѣ лучшей доли. Неужели же та самая интеллигенція, которая такъ беззавѣтно отдается этой палліативной работѣ, не протянетъ крестьянину руку помощи и въ другомъ, болѣе важномъ и великомъ дѣлѣ—дѣлѣ его духовнаго и политическаго пробужденія?

Мы не хотимъ, не можемъ этому вѣрить. Мы вѣримъ, что работники явятся—а дѣла передъ ними много.... Въ рабочемъ людѣ деревни такъ же, какъ и въ рабочемъ людѣ города, таится много здоровыхъ, свѣжихъ жизненныхъ силъ, и эти силы взываютъ о помощи. Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ,

Рыхлая почва готова—
Сѣйте жъ, покуда весна!
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена!

Библиотека РАМЭЛ

ставителей всѣхъ оттѣнковъ соціально-революціонной мысли, признающихъ, въ качествѣ необходимаго minimum'a:

1) основные принципы международнаго соціализма: уничтоженіе частной собственности на землю и прочія средства производства, какъ необходимое условіе устраненія эксплуатаціи труда капиталомъ во всѣхъ ея формахъ; освобожденіе рабочихъ—какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ—*силами самихъ рабочихъ*.

2) способность трудовой массы русскаго крестьянства къ участію въ активномъ движеніи и борьбѣ, способствующей эволюціи русской жизни въ томъ направленіи, которое указывается этими (п. 1) принципами международнаго соціализма.

3) необходимость и своевременность соотвѣтственной соціально-революціонной пропаганды и агитаціи среди этой массы и организаціи передовыхъ ея элементовъ для систематической борьбы противъ экономической эксплуатаціи и политическаго гнета.

Лига призываетъ всѣхъ товарищей по мысли и чувствамъ къ посильной помощи словомъ и дѣломъ, литературными работами и денежными средствами.

Адреса для писемъ и посылокъ изъ за границы, а также и для непосредственныхъ переговоровъ по всѣмъ дѣламъ лиги:

И. Рубановичъ.—I. Roubanovitch, 50, rue Lhomond, Paris, France.

Ф. Волховской. —F. Volkhovsky, 176, Lancaster Road, Notting Hill, W., London, England.

Е. Лазаревъ.—G. Lasareff, Baugi sur Clarens, Suisse.

Х. Житловскій.—Dr. Ch. Schitlowsky, 35, Zieglerstrasse, Bern, [Schweiz].

К. Терешковичъ.—C. Terechcovitch, 74, rue de Juppille [Bressoux], Liège, Belgique.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

слѣдующія изданія „Народной революціонной библіотеки“,

издаваемой „Аграрно-соціалистическій Лигой“.

—

1. Какъ венгерскіе крестьяне борятся за свои права.
2. Какъ наши министры заботятся о крестьянахъ (по поводу секретнаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ о крестьянскихъ безпорядкахъ).
3. Крестьянскіе союзы въ Сициліи.
4. Разсказы изъ русской исторіи (часть первая).

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

5. Бесѣды о землѣ.
6. Почему днѣпровцы не съискали правды.
7. Новое крѣпостное право.
8. Разсказы изъ Русской исторіи (часть вторая).
9. О нашихъ уголовныхъ законахъ.
10. Англійскій крестьянинъ.
11. Великая французская революція.
12. Борьба ирландскихъ крестьянъ за землю.
13. Солдатъ Яшка.

И многія другія.